
НОВЫЕ КАРТИНЫ
Т. ЯБЛОНСКОЙ
В СТРАНЕ
КАПИТАНА
ГАЛВАО
Стихи
Александра
Прокофьева
Продолжение повести
Н. Асанова
«НЕ НАДО ТОПТАТЬ
ЦВЕТЫ»
ОГОНЁК
№ 10 МАРТ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 10 (1759)

5 МАРТА 1961

39-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

В Свердловск, на совещание передовиков сельского хозяйства областей и автономных республик Урала, приехали лучшие люди колхозов и совхозов.

В работе совещания принимает участие Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев.

На снимке: группа участников совещания.

Фото А. Новикова.

ДВА ПОКОЛЕНИЯ

Большой Кремлевский дворец. Сюда на совещание передовиков сельского хозяйства областей и автономных республик Центра Российской Федерации собрались люди, славные своим трудом, умудренные большим жизненным опытом. И вдруг на трибуну поднялась тоненькая девушка — восьмиклассница Галя Беляева. Кишинская школа, в которой учится Галя, находится на родине Ивана Сусанина — в Сусанинском районе, Костромской области. Школа эта невелика, учится в ней чуть более 100 человек. Но ребята сильны там не числом, а умением: в прошлом году они собрали по 950 центнеров зеленой массы кукурузы на каждом из пяти гектаров своего участка.

На совещании в Кремле комсорг Галя Беляева обещала, что в этом году в Кишинской школе ребята вырастят по 1 000 центнеров зеленой массы кукурузы с гектара.

На смену опытным передовикам сельского хозяйства идет молодежь. Но и старая гвардия не собирается, конечно, сдаваться!

В Кремле Галя Беляева встретилась со своей знаменитой землячкой — Героем Социалистического Труда Прасковьей Андреевной Малининой, председателем колхоза «12-й Октябрь».

Прасковья Андреевна не первый раз вступает под кремлевские своды. Бывала она здесь и как депутат Верховного Совета РСФСР, и как делегат XX съезда партии, и как участница пленумов ЦК партии.

В этом году колхозники «12-го Октября» обязались иметь на 100 гектаров сельскохозяйственных угодий 25 коров, 200 центнеров мяса, 1 100 центнеров молока, кукурузы получить по 700 центнеров и по одной тонне собрать початков.

Все это рассказала Малинина в своем выступлении на совещании в Кремле.

Таковы они, наши советские женщины. И в Международный женский день наш народ от души поздравит и Галю Беляеву, и Прасковью Андреевну Малинину, и сотни тысяч их сестер, матерей, подруг, трудом своим славящих Родину!

А. НОВИКОВ

НАРОД ИЗБЕРЕТ ДОСТОЙНЫХ!

Сегодня 5 марта — день выборов. В этот праздничный день в местные Советы депутатов трудящихся выбирают достойных своих представителей жители Российской Федерации, Украины, Узбекистана, Казахстана, Литвы, Молдавии, Киргизии, Таджикистана, Туркмении. Те, за кого сегодня проголосуют избиратели,— армия общественных деятелей, плоть от плоти народной.

Самым достойным, избранным в местные Советы, предстоит много поработать, чтобы с честью оправдать почетное доверие народа.

ПРИНИМАЙ, СЕЛО, ПОПОЛНЕНИЕ!

— Ну, например, ты, Юра, почему ты решил сменить Москву на деревню, крупнейший завод страны — на колхоз?..

Юра, будто ожидая именно этого вопроса, ответил сразу и твердо:

— Комсомольцы — беспокойные сердца!..

Юность отвечает словами песни! Это ей свойственно. Юность всегда с песней уходит на передний край.

Сегодня передний край проходит через поля и фермы. «Если наша молодежь не только с задором, но и с большими знаниями, которые она имеет, активно включится в борьбу за дальнейший подъем сельского хозяйства, то она добьется больших результатов» — на эти слова Никиты Сергеевича комсомол страны отвечает делом.

Впереди молодежь столичных предприятий. Список добровольцев, решивших поехать на постоянную работу в деревню, растет.

В день, когда комсомольцы завода имени Владимира Ильича обсуждали почин земляков, в комитет ВЛКСМ принесли заявления трое: инженер Юрий Иньков, электромонтажник Владимир Мельников, электромонтер Виктор Середняк. А уже через день к ним присоединились сантехники Юрий Давыдов и Вячеслав Графов.

Юрию Давыдову — девятнадцать, он коренной москвич, только туристские маршруты до сих пор связывали его с полями Подмосковья. То же самое можно сказать и о его друзьях. Высокие, стройные юноши со смехом жмурятся: в окна комсомольского комитета рвется солнце.

— Весна зовет нас! — говорит комсорг цеха Виктор Середняк. Он только что из райкома, рассказывает:

— Там тоже пачки заявлений! Не одни мы.

Не одни! Поднялись в поход юные добровольцы с заводов имени Лихачева, «Динамо», «Москабель». С Первого подшипникового на село направились семеро молодых рабочих, среди них — сын известного бригадира штамповщиков, депутата Верховного Совета СССР П. Г. Шемякина токарь Виктор Шемякин.

Принимай, село, пополнение!

Н. БЫКОВ

Вот они, комсомольцы-добровольцы: комсорг цеха Виктор Середняк, сантехники Юрий Давыдов и Вячеслав Графов. В дорогу их напутствует Люся Фокина, заместитель секретаря комитета ВЛКСМ.

Фото А. Бочинина.

ЧЕРЕЗ 100 ДНЕЙ

Ю. КРЫЛОВ,
кандидат технических наук

12 февраля 1961 года к Венере стартовала советская управляемая космическая ракета. Она мчится сейчас в черной глубине, удаляясь от Земли за сутки на триста с лишним тысяч километров.

Совсем недавно мир облетела весть о запуске тяжелого искусственного спутника Земли весом в 6 483 килограмма. Быть может, привыкнув к успехам советского ракетостроения и лидерству СССР в мирном соревновании в космосе, не все осознали важность этого сообщения, восприняв его просто как очередной успех в выводе на круговую орбиту вокруг Земли нового космического гиганта. А между тем огромный вес этого спутника, по существу, был свидетельством диалектического скачка в развитии ракетной техники, начала нового этапа исследования мирового пространства.

И снова победа! Новый гигантский эксперимент, результаты которого обогатят всю мировую науку.

Грубо говоря, технические проблемы, связанные с осуществлением межпланетного полета, начавшегося 12 февраля 1961 года, разделяются на три группы: сообщение автоматической станции скорости, необходимой для достижения Венеры (примерно 11,5 километра в секунду), обеспечение точной траектории полета и, наконец, сбор научной информации и передача ее на Землю.

Как известно, запуск автоматической межпланетной станции к Венере происходил в два приема. Сначала с помощью усовершенствованной многоступенчатой ракеты был выведен на орбиту вокруг Земли тяжелый искусственный спутник, а затем с него стартовала межпланетная станция. Идея использования искусственных спутников Земли в качестве стартовых площадок для межпланетных полетов была высказана К. Э. Циолковским. Ракета, помещенная на таком спутнике, еще до начала своего полета уже обладает первой космической скоростью (примерно 8 километров в секунду), с которой спутник вращается вокруг Земли. Поэтому для достижения второй космической скорости ей требуется значительно меньшая энергия. Кроме того, ракете не придется преодолевать сопротивление плотных слоев земной атмосферы.

Постоянно существующий спутник-платформа помогает решить ряд сложных технических проблем и прежде всего проблему старта многотонных космических кораблей. Колоссальная энергия, необходимая для старта этих гигантов с платформы, может накапливаться постепенно, путем их переброски с Земли на спутник по частям. Далее с помощью собственных двигателей космические корабли приобретут необходимую для далекого полета добавочную скорость.

Создание таких постоянных спутников-платформ — дело будущего. Если же спутник не является постоянно существующим, а представляет собой, так сказать, «агрегат одноразо-

Лицевая сторона памятной медали, установленной в сферическом вымпеле (слева). Сферический вымпел, пятиугольные элементы и обратная сторона памятной медали.

ЖИЗНЬ—РАБОЧЕМУ КЛАССУ!

На стенде — книга «Закат мирового капитализма», с посвящением «Моему правнуку — Джозефу М. Колко, который будет жить в коммунистических Соединенных Штатах». Это экспонат выставки, организованной Высшей партийной школой при ЦК КПСС ко дню восьмидесятилетия почетного Председателя Компартии США Уильяма З. Фостера.

Четким языком говорят цифры — даты жизни Уильяма Фостера: в десять лет начал трудовой путь, в четырнадцать — участвовал в забастовке трамвайщиков Филадельфии, в двадцать — У. Фостер вступил в социалистическую партию США.

«Октябрьская революция оказала очень сильное влияние на Соединенные Штаты, как и на все другие капиталистические страны» — этими словами Фостера открывается стенд выставки, рассказывающий о мощной волне забастовок, прокатившейся по Америке после Великого Октября. Уильям Фостер — организатор этих забастовок.

За славной борьбой американских рабочих внимательно следил Владимир Ильич Ленин. На выставке экспонируется письмо В. И. Ленина секретарю Лиги социалистической пропаганды. В 1921 году Фостер приезжает в Советскую Россию. На III конгрессе Коминтерна он встретился с В. И. Лениным. «Я был благодарен Ленину за то, что после более двадцати лет моих изысканий ощупью он наконец-то поставил меня на твердую революционную основу», — писал Фостер. В этом же году он вступает в Коммунистическую партию США и вскоре становится ее руководителем.

Уильяма Фостера не раз арестовывали. Но никакие преследования не могли сломить его воли. Мы видим Уильяма Фостера в президиуме VI конгресса Коминтерна, рядом с Эрнстом Тельманом, Бела Куном и Сен Катаямой.

Интересна анкета, заполненная Уильямом Фостером. Происхождение: рабочий. Отец — чернорабочий. Обра-

вого действия», выводимый на орбиту вместе с автоматической межпланетной станцией, то возможно рассматривать его просто как промежуточную ступень космической ракеты. В нужный момент с этого спутника в строго заданном направлении происходит запуск межпланетной станции, а сам спутник в конце концов постигает обычная судьба всех его «братьев», вращающихся на высотах в 200—2 000 километров над Землей: он разрушается и сгорает при входе в плотные слои атмосферы (если, разумеется, на нем не предусмотрены средства возвращения и посадки на Землю).

Простой расчет, проделанный с помощью соотношения, выведенного К. Э. Циолковским, показывает, что если мы захотим вывести спутник на круговую орбиту одноступенчатой ракетой, то масса такой ракеты на 95 процентов должна состоять из запаса топлива. Вес баков, оболочек, системы управления, полезной нагрузки и тому подобного — все это должно уложиться в оставшиеся 5 процентов от общего веса. Добиться этого практически невозможно, и современное ракетостроение использует для запуска в космос только многоступенчатые ракеты.

Создание в Советском Союзе усовершенствованных многоступенчатых ракет с мощными двигателями позволило решить задачу выведения на орбиту спутника, несущего автоматическую межпланетную станцию и средства ее запуска.

Но запуск — это еще далеко не все. Автоматическая межпланетная станция должна достигнуть цели — в данном случае района Венеры. При этом следует иметь в виду, что подавляющую часть своего пути станция, заброшенная в космос, движется по инерции, подчиняясь только законам небесной механики. Курс ее в межпланетном пространстве, конечно, рассчитывается заранее, однако для того, чтобы действительная орбита станции была близка к расчетной, необходимо точное соблюдение «начальных условий»: величины скорости и направления полета в момент прекращения работы двигателей последней ступени. А для этого надо, естественно, тщательно синхронизировать работу предыдущих ступеней, установить на борту их устройства, контролирующие и регулирующие режим движения, и обеспечить точное и быстрое исправление траектории. Причем даже если начальные параметры орбиты выдержаны абсолютно точно, это еще не значит, что цель, находящаяся на расстоянии десятков миллионов километров, обязательно будет достигнута. Дело в том, что некоторые факторы мы просто не можем учесть при расчете. Так, например, мы не можем поручиться, что нам абсолютно точно известна напряженность поля тяготения в районе Венеры, которая, естественно, окажет решающее влияние на траекторию в последнем этапе полета. На этом далеком пути могут встретиться и другие неучтенные факторы, которые также вызовут отклонение курса от зафиксированного в памятных устройствах электронных машин. Поэтому в идеальном случае необходимо иметь возможность вмешиваться в режим полета, управлять им не только на начальном, но и на конечном участке.

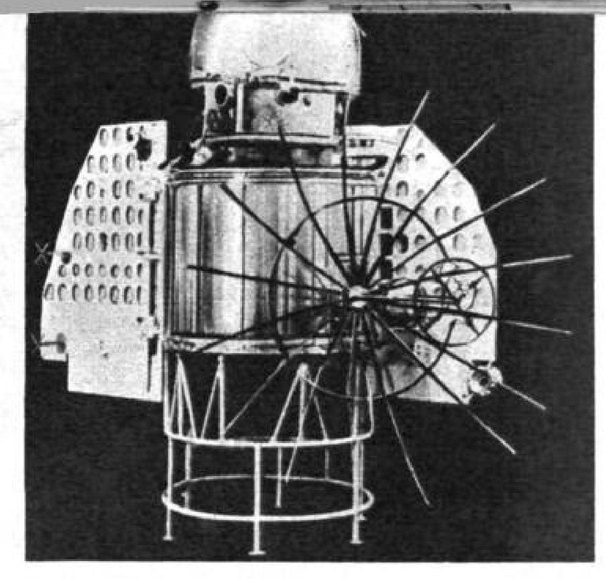
Межпланетные полеты автоматических станций не самоцель, а средство получения новых научных данных. Аппаратура, установленная на них, должна фиксировать эти данные (например, интенсивность космического излучения, солнечной радиации, поля тяготения, температуры и плотности поблизости от планеты и т. д.). Но прежде всего на Землю должны передаваться с автоматической станции ее точные координаты в пространстве, иначе вся полученная информация вообще потеряет смысл, так как мы не будем знать, к какому району солнечной системы она относится.

Первые данные, полученные с борта станции, уже позволили определить ее координаты, узнать действительную форму траектории полета и предварительно рассчитать дальнейший путь станции. Подтвердилась высокая точность выведения на орбиту. Если полет будет проходить без коррекции траектории, то автоматическая межпланетная станция пролетит на расстоянии 180 тысяч километров от центра Венеры. К этому времени расстояние Венеры от Земли, а значит, и удаление ракеты составит 70 миллионов километров. Однако путь, пройденный ракетой в космосе, будет значительно больше. Дело в том, что при полете ракета, кроме скорости, приданной ей двигателями, обладает еще инерционной скоростью, равной скорости движения Земли вокруг Солнца. Складываясь, эти две скорости образуют суммарную скорость станции относительно Солнца. Соответственно и путь, пройденный ракетой в межпланетном пространстве, будет в несколько раз больше и достигнет около 270 миллионов километров.

Во время сеансов связи с автоматической межпланетной станцией была получена также ценная информация о космическом пространстве и о функционировании бортовой аппаратуры, подтвердившая ее высокую надежность.

Естественно, что осуществление надежной радиосвязи на расстояниях, исчисляемых десятками миллионов километров,— чрезвычайно сложная задача. Однако она не является неразрешимой. Максимальная дальность радиосвязи, достигнутая к настоящему времени, при космических полетах составляет около 35 миллионов километров. Ко времени прибытия автоматической станции в район Венеры (во второй половине мая 1961 года) эта планета максимально сблизится с Землей и будет находиться от нее на расстоянии 70 миллионов километров. И все-таки это дает основание надеяться на успешную работу радиоустройств.

Кстати сказать, если бы автоматическая станция была запущена в другое время (и, разумеется, уже по другой траектории), то она также могла бы достичь области Венеры, но уже при менее удачном для радиосвязи расположении обеих планет относительно друг друга.

Автоматическая межпланетная станция на монтажной подставке.

Расстояние между ними было бы значительно большим, и пропорционально квадрату этого расстояния возросла бы потребная мощность радиопередатчиков.

Наиболее экономичной в таких полетах является не непрерывная, а периодическая связь с Землей. При этом радиопередатчик межпланетной станции включается в нужное время по команде-запросу с Земли и передает накопленную приборами и хранящуюся в электронной памяти информацию. Это позволяет расходовать значительно меньше энергии, чем при непрерывных радиопередачах.

Следует отметить, что потребляемая радиопередатчиками мощность сильно зависит от режима их работы. Так, для передачи на Землю телевизионного изображения поверхности другой планеты нужна мощность во много раз бо́льшая, чем для простой пеленгации радиомаяка с целью определения положения межпланетной станции в пространстве. Соответственно возрастет вес источников питания. Бурное усовершенствование средств сверхдальней космической радиосвязи позволит и в этом направлении ставить и решать все более сложные задачи.

Огромный вес второй автоматической межпланетной станции обусловлен необходимостью разместить на ней более мощные источники питания (солнечные и химические батареи), передатчик и различные устройства, обеспечивающие выполнение программы научных исследований.

Мы свидетели исключительно бурного развития советской космонавтики, которая за три с половиной года прошла путь от запуска первого в истории человечества искусственного спутника Земли весом в 80 килограммов до отправки на Венеру межпланетной станции, весящей в 8 раз больше.

...Примерно через сто дней, преодолев гигантский путь, станция с вымпелом СССР достигнет другого мира. Будем ждать новых открытий!

зование: низшее. Какие знаете языки: английский, немецкий, французский. А рядом — труды Уильяма Фостера: теоретические работы, журнальные статьи.

Сейчас Уильям Фостер находится в Советском Союзе. В день восьмидесятилетия ему нанесли визит Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев, секретари ЦК КПСС тт. Ф. Р. Козлов, М. А. Суслов, член ЦК КПСС тов. Б. Н. Пономарев.

Л. КАФАНОВА

Фото А. Ляпина.

МАЙОР АРМИИ СВОБОДЫ

У него лучистая, заразительная улыбка. И когда он смеется веселой шутке, то кажется совсем юным. Да, собственно, он и есть такой — Джоэль Иглесиас, руководитель Ассоциации молодых повстанцев Кубы, майор армии Фиделя Кастро.

Ему не было и пятнадцати, когда он пришел в горы Сьерра-Маэстра, в отряд Эрнесто Че Гевара. Сначала оружия не было, и во время боя он таскал товарищам коробки с боеприпасами. Потом взял в руки винтовку. Он казался меньше и слабее других. Но не было такого дела, с которым он не сумел бы справиться.

Поговорите с кубинцами — и увидите, как любят на далеком солнечном острове этого парня с лучистой улыбкой, человека исключительного мужества и большой души.

На снимке: гости Москвы Джоэль Иглесиас (в центре) и его товарищи, члены делегации молодежи Кубы.

Фото А. Бочинина.

ВСЕГДА ВМЕСТЕ

Исполнилось пятнадцать лет со дня подписания Договора о дружбе и взаимопомощи и Соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой.

Монголия стала второй в истории страной, вставшей на путь социалистического развития. Дружба между нашей Родиной и социалистической Монголией всегда основывалась на гранитном фундаменте пролетарского интернационализма. Две социалистических страны прочно объединились в братской дружбе, на принципах полного равноправия и глубокого взаимного уважения.

На снимке: новый сквер на улице Чойбалсана в столице Монгольской Народной Республики Улан-Баторе.

Фото агентства Монцамэ.

15 ФЕВРАЛЯ ПРОИСХОДИЛО СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ — последнее полное солнечное затмение на территории нашей страны в двадцатом веке.

Наблюдать интереснейшее явление можно было в Крымской астрофизической обсерватории. Итак, на земле все готово... Но густой слой облаков закрывал небо. И вдруг сообщение: «Метеорологи поднялись на самолетах для искусственного рассеивания облаков». И буквально за несколько минут до начала затмения появилось «окно», другое — и уже видно солнце...

А. Б. Северный, директор обсерватории, член-корреспондент АН СССР, координировавший все работы, доволен:

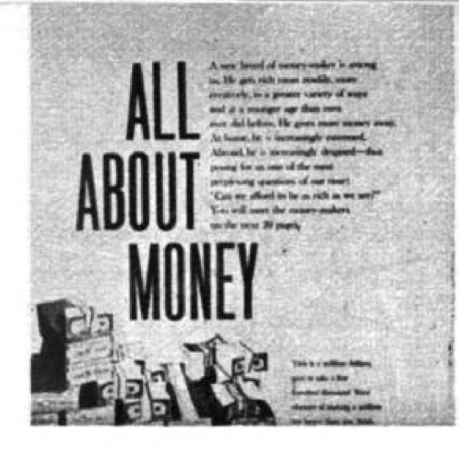
— Мы получили много важных материалов, приступаем к обработке.

Прошло две недели, и редакция связалась по телефону с Крымской обсерваторией, чтобы узнать, какую работу провели астрономы за это время. Ученый секретарь Л. С. Галкин рассказал:

— Мы получили ультрафиолетовые спектры хромосферы. Удалось также сделать прямые фотографии солнечной короны в различных лучах, провести регистрацию состояния ионосферы Земли. Полная обработка материала потребует длительного времени.

Римма ЛИХАЧ

МИЛЛИОН ДОЛЛА

МИЛЛИОНЫ БЕ

Г. ГУРКОВ, А. СЕРБИН

Растет безработица в Соединенных Штатах Америки. Где спасение! Журнал «Лук» рекомендует: зачем быть безработным, становитесь лучше миллионером...

«Новая порода людей, делающих деньги, живет среди нас. Они становятся богатыми более легко, более созидательно, более разнообразными способами и в более молодом возрасте, чем когда-либо

раньше». Эти слова напечатаны на первой из двадцати одной страницы последнего номера журнала «Лук», посвященных его величеству доллару.

«Все о деньгах» — так называется материал. Жанр его необычен. Это причудливая смесь рекламы с торжественным песнопением. Рекламы американского образа жизни и хвалебного гимна в честь тех, кого журнал считает типичными представителями Америки,— миллионеров.

Вы видите эту кипу аккуратно упакованных банковских билетов? Перед вами — миллион долларов. Если верить «Луку», то в Соединенных Штатах нет ничего проще, чем стать его обладателем. «Ваши шансы сделать миллион лучше, чем вы думаете»,— авторитетно заверяет журнал. И в доказательство приводит подробное, богато иллюстрированное жизнеописание некоего Фрэнка Дж. Джеймсона из Пасадины, Калифорния, 36-летнего миллионера.

ФРЭНК ДЖЕЙМСОН И ДЖИМ УИЛСОН

— В понедельник я позвонил одному человеку в Вашингтоне насчет малярной работы. Он мне сказал: «Позвони в следующую среду». Я ответил: «Послушай, ведь у меня нет денег, чтобы звонить. Это стоит пятьдесят пять центов».

В приведенном телефонном разговоре Фрэнк Джеймсон не участвовал. Говорил Джим Уилсон из Хейджерстауна, 34-х лет, безработный.

Впрочем, возможно, и Фрэнк Джеймсон в тот же момент разговаривал по телефону. По своему личному телефону, установленному на площадке возле домашнего плавательного бассейна. И предмет беседы был, конечно, другой: мистер Джеймсон интересовался курсом акций своих компаний на бирже или заказывал обед в фешенебельном нью-йоркском ресторане «Четыре сезона».

Как свидетельствует журнал «Лук», к числу любимых занятий миллионера относится игра в казино Лас-Вегаса и катание на мотоботе в обществе монашек. Времяпрепровождение Джима Уилсона более однообразно. Он ищет работу.

— Господи, ну что я могу сделать? Я могу работать. Я до смерти хочу работать, но работы нет...

Джим Уилсон сказал это корреспонденту газеты «Вашингтон пост энд Таймс геральд». «У него нет ни денег, ни еды в доме и никаких перспектив на получение работы, но зато у него масса долгов»,— написал журналист. И еще написал, что у Уилсона четверо детей...

Компания «Фэйрчайлд», где работал Уилсон, уволила его два года назад. Он сделался одним из четырех с половиной миллионов безработных, зарегистрированных на бирже труда в 1959 году. В том же году, по подсчетам журнала «Лук», 257 американцев нажили миллионное состояние. В том же году стал миллионером и Фрэнк Джеймсон.

Мы не интересовались диаграммой роста числа американских миллионеров за последние два года. Быть может, это число увеличилось еще на сотню. Но другая диаграмма известна. Число безработных в США сильно возросло за это время и составляет сегодня более семи миллионов.

Так кто же символизирует американский образ жизни: Фрэнк Джеймсон или Джим Уилсон?

МИНИСТР: «ГРОЗИТ КРИЗИС»

«Мы переживаем самый настоящий спад. Если мы не примем надлежащих мер, то окажемся в кризисе»,— заявил министр труда правительства Соединенных Штатов Артур Гольдберг во время недавней поездки по районам, особенно пострадавшим от безработицы.

Таких районов в США сейчас много. Вот официальные сообщения из городов и штатов.

Питсбург. Сократилась выплавка стали. 12 процентов рабочих — за воротами предприятий.

Детройт. С конвейеров автомобильных заводов сходит меньше машин. Безработицей охвачено 12 процентов трудоспособного населения.

Иллинойс. Спад в производстве сельскохозяйственного оборудования.

Северная Каролина и Массачусетс. Уменьшился выпуск текстильной продукции.

Пенсильвания. Кризисное состояние в горнодобывающей промышленности.

В середине февраля министерство труда прибавило к списку районов, где процент безработных выше шести, еще двадцать пять. Среди них Филадельфия, Кливленд, Балтимора, Сан-Луис, Канзас-Сити, Грэнд Рапидс, Портленд, Ньюарк...

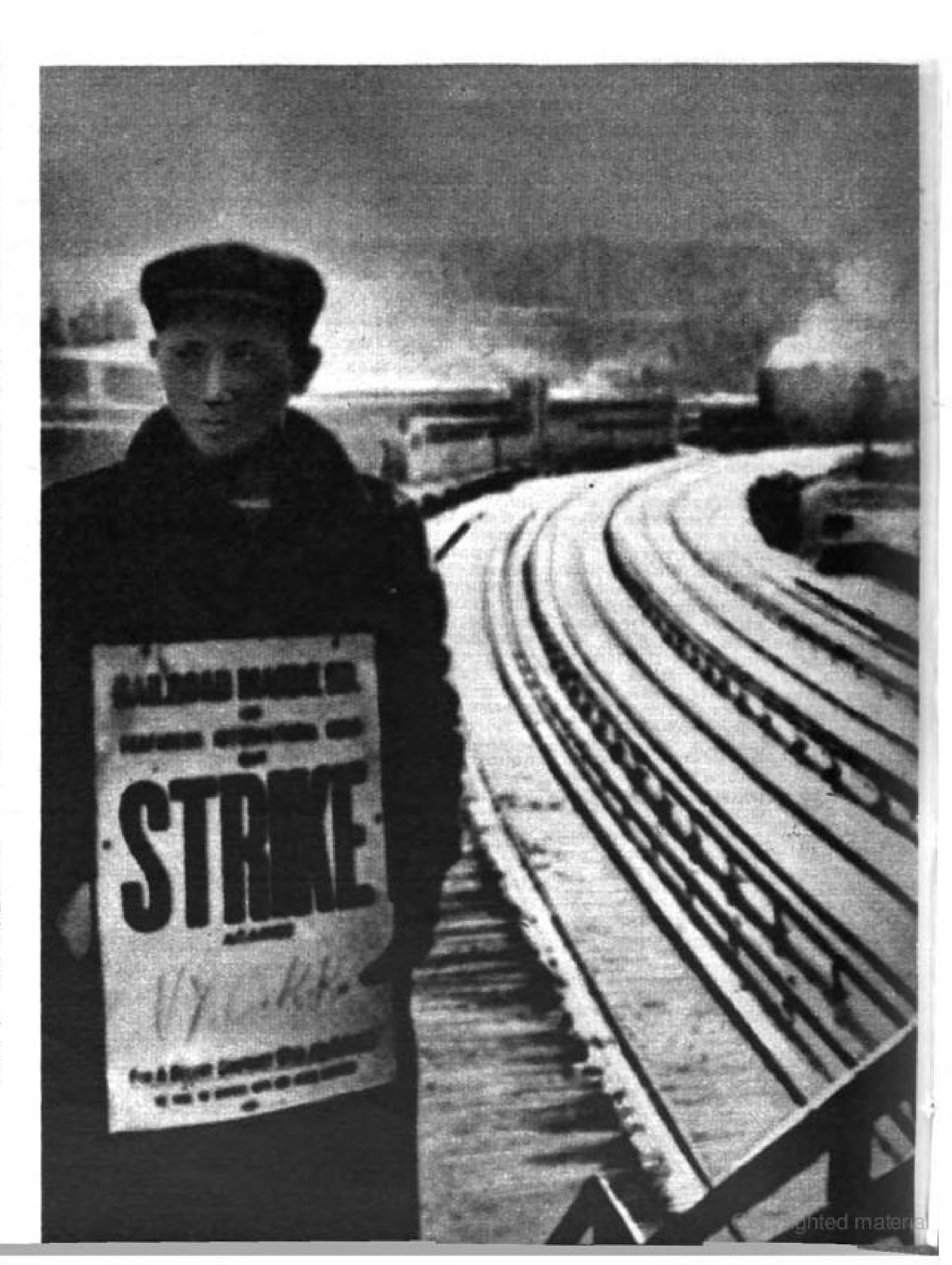
Журнал «Тайм» проанализировал статистические данные о безработице, опубликованные правительством. Вот что он пишет:

«Больше половины главных индустриальных районов страны считаются пораженными депрессией».

«Число людей, не находящих работы в течение длительного времени, растет».

«Безработица ударила сильнее всего по неграм, молодым и неквалифицированным рабочим. Среди негров, составляющих десять процентов населения, более двадцати процентов не имеют работы».

«Безработица фактически пора-

→

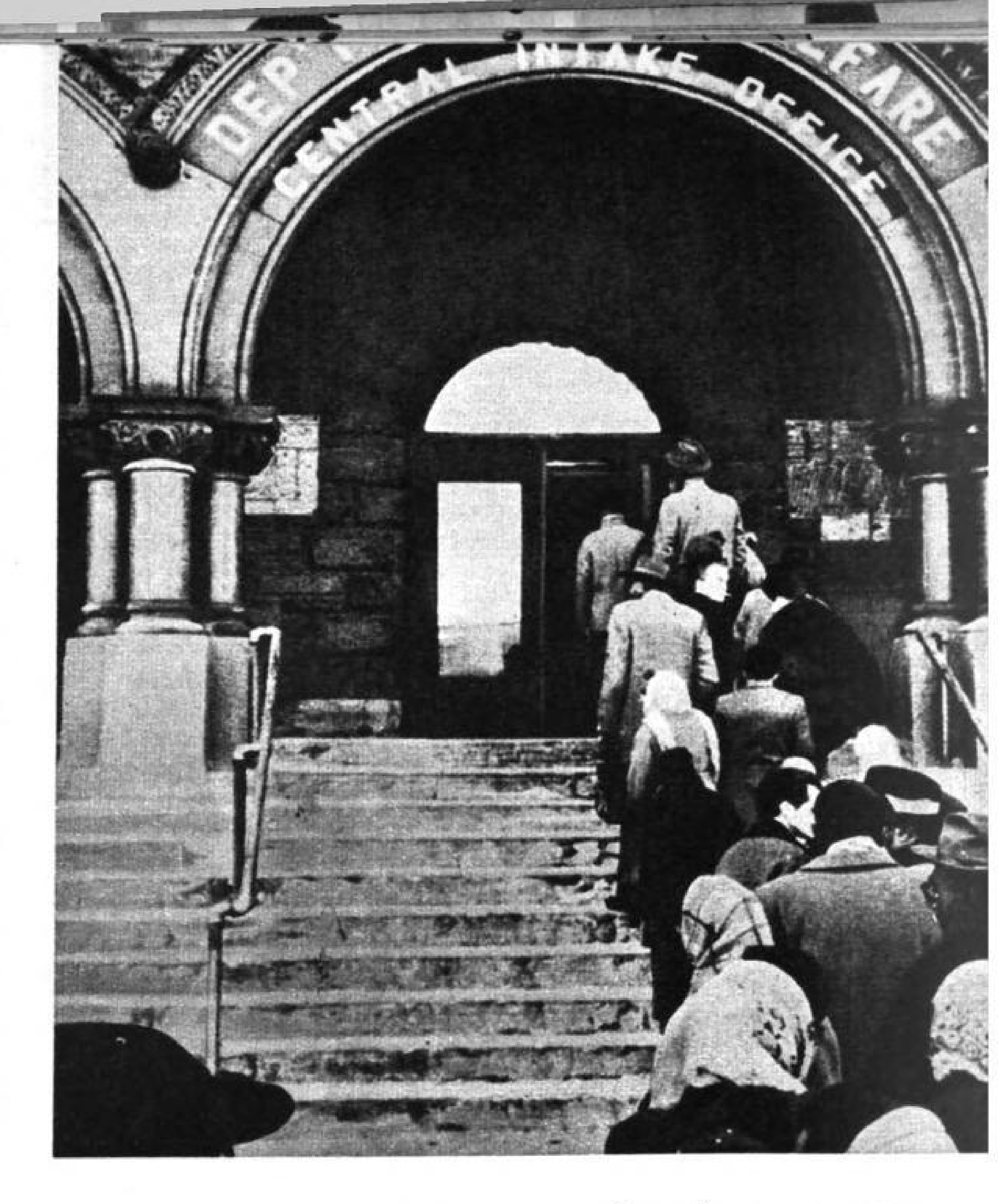
Бастуют нью-йоркские железнодорожники. Чтобы жить, иметь работу, американским трудящимся приходится вступать в борьбу.

«Анатомия современного миллионера» — так назвал «Лук» свой рассказ о миллионере Фрэнке Джеймсоне. Современный миллионер, пишет журнал, «молод...»

«...экстравагантен...» (Фрэнк Джеймсон построил гостиницу на экзотическом побережье Карибского моря, покупает сразу по четыре-пять костюмов и имеет собственный мотобот)

«...и смел...» (фотография сделана в одном из казино Лас-Вегаса).

РОВ,

зила каждую из основных отраслей промышленности, каждый индустриальный штат».

«Безработица достигла самого высокого уровня за последние двадцать лет».

Таковы данные официальной статистики.

ПОМОЖЕТ ЛИ РЕКЛАМА?

Кризис смотрит в лицо Америке. О нем говорят повсюду: и в домах рабочих и в Белом доме.

На душе у Америки тревожно. Сообщают, что по стране быстрее эпидемии распространяется «психология спада».

В конце февраля восемьдесят представителей крупных корпораций собрались в Нью-Йорке на специальное совещание. Речь там шла не о том, как уменьшить безработицу. Делегаты монополий обсуждали другой вопрос: как поднять настроение у безработных и у тех, кто может завтра стать ими. Американский капитал начал пропагандистскую кампанию против «психологии спада», за «веру в рост Америки».

На одном из рекламных плакатов, уже подготовленном для этой кампании, изображен дядя Сэм с закатанными рукавами, разглядывающий план. Подпись под ним звучит, как заклинание: «Конечно, мы верим в рост Америки. Нынешние рекордные исследования приведут к открытию новых промышленных предприятий, к обеспечению работой миллионов людей, к новым возможностям для всех».

Участвующие в пропагандистском походе монополии намерены распространять рекламные восторги по поводу возможностей американской экономики с помощью всех средств: радио, кино, телевидения, прессы. Но рекламные пилюли тут бессильны.

...Может быть, в руки безработного Джима Уилсона попадет номер журнала «Лук» с описанием жития миллионера Фрэнка Джеймсона. Стоя в очереди за благотворительным обедом, он, возможно, прочтет, что Фрэнк Джеймсон охотно платит любые цены, лишь бы его меню включало «самое лучшее». Будет ли вкуснее от этого суп безработного?

ЗРАБОТНЫХ

Верхний снимок сделан в Соединенных Штатах в 1959 году. Очередь безработных.

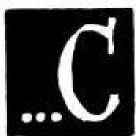
Снимок внизу сделан в 1961 году. Снова очередь безработных. Всюду в Америке такие очереди становятся длиннее и длиннее.

Сильвия Маст.

Фото Д. Ухтомского.

Если встать на рассвете...

Н. ХРАБРОВА

...Спит земля. А над ней куражатся циклоны: то накрывают ее снежным одеялом, то волокут за собой космы каких-то теплых, нездешних, несеверных туманов и опять — который раз за эту зиму! — заливают землю талыми водами. Выходят в поле бригадиры, грубыми руками нежно выдергивают из земли кустики ржи, разглядывают корни: целы ли?

Корни целы. И пусть земля набирается влаги! Эта весна здесь, как и во всей стране, должна стать весной хорошего хлеба. Работы будет много: это ведь не Украина, не Кубань с ее черноземом и даже не соседний Вильяндиский район, самый плодородный в Эстонии. Здесь пески да суглинки. И добро бы ровные пески да суглинки, а то ведь этот Выруский район — самая холмистая местность в Эстонии. Есть такая легенда: бог, создавая Эстонию, отпустил ей всего поровну — озер, полей, лесов. А как дошел до Вырумаа, спохватился, что горы-то и позабыл. Махнул рукой да и свалил все их в Вырумаа. Трудная земля... Но зато нет здесь места красивее, чем Выруский район. А красота родного края — разве она безразлична человеку, который родился здесь и твердо решил жить тут до самой смерти, работать на этой земле и переделывать ее, насколько хватит сил?

Есть в Выруском районе деревня Обиница. Странное название, не правда ли? Не то эстонское, не то русское, а может быть, латышское? Ведь и Россия и Латвия от Обиницы близко. Однако ни то, ни другое и ни третье: Обиница — сетуское название.

А сету — кто это такие?

А сету тоже эстонцы. Раньше их называли «псковскими эстонцами», и не было таких насмешек и анекдотов, которых не придумывали бы про сету: должна же была Эстония, как всякое «порядочное» буржуазное государство, иметь свою собственную, этакую отсталую этническую группу! И жизнь на этом бесплодном маленьком кусочке земли действительно была как-то по-своему донельзя отсталой. Школ было мало, в низких, душных классах стояли старинные шестиместные парты; на побелевших от времени досках слова и цифры, написанные мелом, читались с трудом. Крестьяне пахали свои мелкие наделы деревянными сохами и боронили их деревянными же, из суковатой ели сделанными суковатками. Этими музейными орудиями сету пользовались совсем недавно — еще в первый послевоенный год. А суеверия здесь крепли, и женщины жили в своих домах, как в монастырях. Одно им разрешалось — «леело».

«Леело» — это песня-импровизация. Когда ты приедешь в сетускую деревню, «леелотая» — сказительница споет тебе песню гостеприимства; когда, уезжая, станешь прощаться, тебе посвятят песню-приглашение, и, словно в ответ на эту песню, тебя долго еще будет тянуть в Выруский район, к гостеприимным и добрым людям.

В деревне Обинице, у «леелотая» Ефимии Маст в 1938 году родилась дочка Сильвия. Это была вторая дочка, а земли у их отца, Иохана Маста, был маленький лоскуток. Иохан решил стать портным. На удивление всей Обинице он отдал старшую дочку Ольгу учиться в город! А ведь это не полагалось. Сету жили замкнуто, упаси бог отпустить сетускую девчонку учиться в город — засмеют ее там, в городе-то. Да и зачем учиться: не полагалось сетуской женщине работать нигде, кроме как в своем хозяйстве, и вовсе уж нельзя быть на виду да еще верховодить!

А Ольга все-таки стала учительницей, и не где-нибудь, а именно в своей родной Обинице. Случилось это осенью 1944 года, когда после освобождения от оккупации стали открываться в сетуских деревнях новые школы, создаваться новые классы. Много понадобилось тогда учителей, и Ольга стала преподавать, едва успев окончить среднюю школу.

Сильви к этому времени исполнилось шесть лет. Была она длинноногой, непоседливой, и, чтобы не оставлять ее одну, когда мама уходила в поле, Ольга водила Сильви с собой в школу. Сильви была счастлива: всем первоклассникам семь лет, а ей шесть! Все первоклассники нет-нет да и схватят двойку, а уж Сильви такого себе никогда не позволит! Нет, она не может похвастаться этаким разудалым, пренебрежительным отношением к ученью: она училась старательно и с удовольствием. И когда была окончена семилетка, мать посоветовала ей:

— Вот, говорят, в Антсла, совсем рядышком с нами, есть хороший техникум: закончишь — агрономом станешь. Агроному везде работа приготовлена; вот они кругом, поля — агрономова работа.

Ольга и Сильви переглянулись.

— А ведь командовать-то сетуской девушке не полагается, мама?

— Новые времена — новые песни,— улыбнулась мать. Она уже складывала про себя «леело» о сетуских девушках — учительницах и агрономах, которое потом спела в Таллине, на празднике песни.

После техникума агроном Сильви не вернулась в Обиницу, а попала в колхоз «Аренгу теэ», что в тридцати километрах от дома.

Ничего не скажешь, пришлось хлебнуть ей горя в этом колхозе! Урожаи низкие, поля маленькие и такие покатые, что, если на трактор издали глядеть, кажется, вот-вот опрокинется. А трудодень... Впрочем, что о нем говорить! Как и раньше, в доколхозные времена, люди по-прежнему жили разными ремеслами да тем, что получали с приусадебных участков. Хорошо было только одно: председатель колхоза сразу поверил в Сильви. Да и как было не поверить в эту упорную и необидчивую девушку, в ее крестьянскую сметку, сдобренную наукой, в ее самозабвенное девчоночье усердие! И хоть медленно, но все же поправлялись колхозные дела. К тому времени, когда из восьми отстающих колхозов был создан совхоз «Руузмяэ», «Аренгу теэ» был нисколько не хуже, а даже и получше других.

Если уж весь Выруский район холмистый, то «Руузмяэ» с полным основанием можно назвать горным совхозом. Конечно, здесь не такие горные цепи и не такие вершины, как на Кавказе или на Урале. Возвышенность Хаания всего на триста метров поднимает-

ся над уровнем моря. Но и здесь, как полагается в горах, раньше наступает зима и запаздывает весна. Воздух здесь необычайно чист, и в вершинах густых елей шумит сердитый ветер высот. Холмы Хаания крутобоки, изрезаны лощинами и оврагами; тракторы еще кое-как справляются с пахотой, а уж уборку приходится проводить лошадьми, а кое-где и вручную. Потому совхоз и держит 120 лошадей и всего два комбайна.

В такой местности лучше всего заниматься животноводством. И Сильви, вместе со своим колхозом перейдя в совхоз, попросилась на фермы. Это был 1958 год. Весь Выруский район гудел, как пчелиный улей. Никогда еще не было здесь столько собраний, споров, и никогда еще не было такого подъема! И вот этот отсталый, с трудными, неплодородными землями район к 1960 году берется продать государству вдвое больше мяса, чем в предыдущем году. И намного больше молока.

— Да как же вы это сделаете на ваших-то угодьях? — с ироническим соболезнованием спрашивал кое-кто у выруских райкомовцев и райисполкомовцев.

А они, глухие к иронии, поглощенные своим замыслом, отвечали:

— У нас народ трудолюбивый. Ну, а в тех, кто нетрудолюбив, надо же наконец преодолевать лень и пассивность!

И Выруский район сдержал слово.

Сильви тоже выполнила свои трудные обязательства. Вот как это было.

Стала она в совхозе бригадиром животноводов. Хозяйство получила незавидное: коровы давали в среднем по 1 200 килограммов молока, свиноматок было мало, а овцы своей всклокоченной, грязной шерстью вызывали жалость. И кому, как не ей, была до конца понятна извечная здешняя беда — отсутствие выгонов и покосов! Казалось бы, нет выхода. Не на чем создавать ее, эту лучшую жизнь.

А выход был, нечаянный-негаданный, встреченный с усмешками и недоверием, незнакомый и неслыханный здесь, — кукурузный силос! Бог весть почему понравились кукурузе здешние холмы, но она пошла, пошла и как рукой сняла недостаток кормов. Жизнь, прежде стоявшая на месте, вдруг сдвинулась и устремилась вперед.

Сильви, никогда не отличавшаяся неторопливыми движениями, просто разучилась ходить, — она носилась! И сейчас в ней это есть: позовет ли кто-нибудь ее или жалобно взвизгнет поросенок, она, попросту говоря, бежит что есть сил.

В двадцать лет Сильви подает заявление в партию. Когда прошел кандидатский стаж и ее приняли в члены партии коммунистов, Сильви вместе со своей бригадой берет такие обязательства на 1960 год:

Надоить от каждой коровы по 3 000 литров молока.

Вырастить за год 800 поросят.

Сдать государству 1500 килограммов шерсти.

Она просит считать свою бригаду борющейся за звание бригады коммунистического труда.

Приходилось ли вам слышать, как поют соловьи на рассвете, в три часа утра, во время первой летней дойки? В этот час летнее утро во всем мире — во всем мире! — пахнет теплым парным молоком, искрится чистыми росами и звенит соловьиными голосами.

Скоро снова начнется весна, и это будет третья весна вот таких ранних подъемов, головокружительных поездок на велосипеде по горбам холмов — со скотного двора на свинарник, оттуда — в овчарню, в контору отделения, в совхозный центр.

Трудно ведь вставать в молодости в три часа?

Да уж нелегко!

Но зато с утренним солнцем Сильви встречается каждый день, как со старым приятелем. Зато каждый раз на рассвете — будто она турист в интересной поездке — любуется этой вздыбленной прекрасной Хаания, где на вершинах солнце и ветер, а в ущельях ночь и туман.

И зато каждый день ей приносит радость: коровы дают все больше молока, все толще становятся поросята, все гуще шерстяные овечьи шубы.

И веселеют члены ее бригады. С доброго, морщинистого, но все еще красивого лица Миральды Какит не сходит улыбка: похоже, она даже перевыполнит свое обязательство. Перевыполнят и Аманда Пильт и Эрна Отс. У телятниц Сиви Саарнинт и Мили Кяго телята прибавляют каждый день более 500 граммов — выше обязательств! Овчар Вильберт Пеело и свинарь Рихард Отс тоже сдержат слово.

Когда есть корма, работать просто весело. Весело, но отнюдь не легко. Сильви на фермах в часы дойки и в часы кормления. Сильви глядит за новорожденными поросятами и телятами, как патронажная сестра: ведь их надо кормить по пять раз в день, и рацион должен быть аптекарски точным, тут уж нужен ее глаз! Их надо чистить, и мыть, и часто белить помещение, тогда они будут здоровы и довольны, а уж это — верное условие привеса. Особенно трудны дни в конце месяца: надо взвешивать молодняк. А когда взвешивание закончено, сердце прямо подпрыгивает: все идет хорошо!

Все ли?

Не совсем. У доярки Алиде Янес надои меньше всех. Алиде не ухаживает за своими коровами так, как наставляет Сильви. Каждый день Сильви говорит ей вежливо, но настойчиво: летом коровы должны быть все время на пастбище! Летом у них должно быть вдоволь зеленого корма! А Алиде то и дело загоняет после обеда свою группу во двор.

— Переведи ее от нас, Сильви, — поговаривают доярки. — А то подведет бригаду.

Сильви колеблется. Это был бы самый легкий путь! Но ведь так нельзя: кто же будет уважать такую бригаду коммунистического труда? И, посоветовавшись с секретарем парторганизации Сальме Петтай, говорит твердо:

— Нет! Алиде останется у нас. Она человек немолодой, ей во всем новом надо убеждаться на деле. Сама поймет, как надо.

И Алиде убеждается: к концу года все выполняют обязательства, кроме нее. Она немного не дотянула. Но так как Миральда надоила от своих коров по 3 200 килограммов молока, то она как бы восполнила отставание Алиде. И на общем собрании было решено присвоить бригаде Сильви Маст звание бригады коммунистического труда.

Алиде сама сказала о себе самые горькие слова и пообещала сделать все, чтобы остаться в бригаде...

Осенью рабочий день Сильви начинается в пять часов. А зимой? О, зимой совсем поздно — в шесть! Ах, некоторые никогда не встают так рано? Ну так что ж? Сильви нисколько не завидует им, этим своим сверстницам, которые спят до двенадцати. Спать-то до двенадцати — это дело нехитрое, каждый сумеет, а вот ты попробуй не спать!

А не скучно ли жить тебе, девушка? Ведь жизнь-то твоя не легка: и грязь, и холод, и труд напряженный. Да и дела не так уж разнообразны, все в одном треугольнике: скотный двор, свинарник, овчарня.

И вовсе нет!

Еще библиотека, книги. Вот «Мужество» Кетлинской, переведенное на эстонский язык; Сильви сейчас все время таскает эту книгу с собой, нет-нет да и удастся почитать.

Еще Народный дом, где три раза в неделю кино — прямо счастье для такой любительницы фильмов, как Сильви. Еще свой, совхозный хор. Еще драматический кружок, который под руководством заведующей Народным домом Эльзы Краан поставил уже несколько спектаклей. Какой успех? Ну, конечно, аншлаг! Драмкружок в «Руузмяэ» — дело серьезное и уважаемое: сам директор совхоза Леонхард Корнет, с таким упорством тянущий средненький совхоз в передовые, в новой пьесе играет председателя колхоза. А она, Сильви, кого играет? Жену колхозного почтальона: она всегда играет комических старух. Почему? А кто его знает, почему ей удаются одни комические старухи? Зато уж так удаются, что все хохочут, едва только Сильви в старушечьем обличье появляется на сцене!

Ох, много у нее дел, лишь бы времечка было побольше!

Да и у всякой ли городской девушки бывают в жизни такие события, как у нее? На республиканском собрании партактива с докладом о Московском Совещании представителей коммунистических и рабочих партий выступил член Президиума ЦК КПСС Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев. Затем поднимались на трибуну коммунисты, рассказывали о своих делах, мыслях и чувствах. Сильви тоже выступала. Под конец она так сказала:

— Когда секретарь нашей парторганизации Сальме Петтай обсуждала с нами вопросы Московского Совещания, мы порадовались успехам коммунистического движения так же, как радуемся успехам нашей бригады. Ведь и большое достижение и маленькие успехи нашей бригады — это ростки от одного главного корня.

И когда Сильви сошла с трибуны, к ней подошел товарищ Брежнев, крепко пожал руку и сказал:

— Вы хорошо выступили, и дела у вас хорошие!

Сильви растерялась: ведь она все-таки простая девчонка из «Руузмяэ»! Товарищ Брежнев уже отошел, и только тогда она пробормотала вдогонку: «Спасибо!» Вот случись это снова, она бы нашлась что сказать!

А что сказала бы?

А вот и сказала бы точно так же: «Вы тоже хорошо выступили, и дела у нас у всех хорошие!» Можно ведь так сказать?..

Наверное, можно, потому что это от сердца.

Ну, что ж, пора нам расставаться с Сильви. А если она вам понравилась, вспомните ее еще раз 28 марта: это день приемных экзаменов в Эстонскую сельскохозяйственную академию. Ну, конечно, 1961 год будет нелегким. Ведь бригада на этот год взяла еще более высокие обязательства: надоить от каждой коровы по 3 100 килограммов молока, вырастить 900 поросят и, кроме шерсти, сдать государству еще пять тонн баранины. Обязательства можно выполнить: совхоз нынче будет больше сеять, значит, корма будут разнообразнее и сытнее. Но потрудиться придется!

А как же с учением?

Да ведь человек, если захочет, многое может, в этом Сильви уверена. Она уже отправила в академию заявление и документы. Только она очень боится экзамена по физике. И вот есть такой смешной и добрый обычай у эстонских студентов: если хочешь, чтобы человек выдержал экзамен, зажми в кулак большой палец и крепко-крепко подумай об этом человеке. Так вот, подумаем крепко-крепко, пожелаем успеха Сильви Маст — девушке, всегда встающей на рассвете.

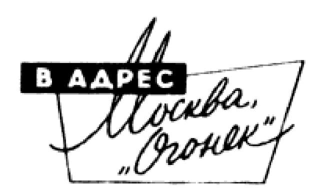
КУБОК «ОГОНЬКА» ВРУЧЕН. Каждый год московские школьники-спортсмены участвуют в конкурсе на Кубок журнала «Огонек» по легкой атлетике. В 1958 и 1959 годах этот приз завоевывали физкультурники школы № 387 Куйбышевского района. В 1960 году награду получили спортсмены школы № 12 Кировского района.

Вместе с Кубком победителям вручен комплект спортивной формы и годовая подписка на «Огонек». Физкультурные коллективы школ № 387, 585, 75, 200 также получили годовые подписки на «Огонек» и вымпелы.

На снимке: спортсмены школы № 12 вместе со своим преподавателем И. И. Должиковым.

Фото Ю. Кривоносова.

«Я самый обыкновенный»

В № 51 журнала «Огонек» за 1960 год был напечатан очерк А. Старкова «Двое на дне моря», в котором рассказывалось о подвиге водолаза Виктора Ворожейкина.

Редакцией получено письмо ВОРОЖЕЙКИНА, которое мы печатаем.

Дорогая редакция! Последнее время почтальон ежедневно приносит мне десятки писем и телеграмм. В письмах высказано столько сердечной теплоты и заботы обо мне, что читать их без волнения невозможно. К сожалению, у меня нет возможности ответить всем товарищам в отдельности. Поэтому я очень прошу редакцию журнала «Огонек» передать мою искреннюю благодарность всем приславшим мне письма и телеграммы за добрые чувства, советы и пожелания.

Теперь мне хочется ответить на некоторые вопросы, заданные в письмах.

Тамара Сухарева, Надя Белова и многие другие спрашивают, не жалею ли я о том, что, зная о риске для себя, быстро поднялся с большой глубины, чтобы следить за попавшим в беду товарищем. Нет, не жалею. Спрашивают меня также, повторил бы ли я все снова. Да, повторил бы, если б знал, что товарищ в опасности. И думаю, что каждый честный человек так бы сделал. Еще спрашивают, думал ли я, что совершаю подвиг. Нет, ни о каком подвиге я не думал. У меня был почти обычный очередной спуск. Это я отвечаю тт. Хреновой, Шараповой и многим другим.

Во всех письмах меня называют героем. Товарищи, я никакой не сверхъестественный человек, я самый обыкновенный. Все, что обо мне пишут в письмах, — большое преувеличение. Ничего особенного я не сделал. Приказал мне командир идти под воду выручать товарища, и я пошел.

Многие спрашивают, чем я занимался до призыва в армию и что сейчас делаю. Кратко опишу. Я родился в 1936 году, окончил семь классов, поступил в геологическую разведку, проработал полтора года, уволился, поступил на завод учеником токаря и до призыва работал на заводе. Вот и вся моя доармейская жизнь. Служил водолазом на Сахалине. Сейчас готовлюсь в техникум. Изучаю также теорию и практику вождения автомобиля. Время проходит у меня нескучно. По вечерам заходят товарищи, берут меня в кино или в клуб на молодежные вечера.

И снова хочется сказать студентам, школьникам, а особенно солдатам и матросам: слово «товарищ» дорого каждому советскому человеку, но для военных людей оно имеет особое значение. А я был военный. И пронесу это слово через всю свою жизнь.

Дорогие товарищи! Извините, что не сумел написать короче.

С комсомольским приветом Виктор Ворожейкин.

Куйбышевская обл., Красноярский район, поселок Новосемейкино.

Люблю тебя, жизнь!

Т. ЯБЛОНСКАЯ

Двадцать лет тому назад в Киевском художественном институте была устроена выставка студенческих работ Татьяны Яблонской. С тех пор искусство художницы — жизнерадостное, полнокровное, согретое большой душевной теплотой — привлекает внимание зрителей. Ее картины «Хлеб», «Перед стартом», «Над Днепром» вошли в сокровищницу советской живописи.

В январе 1961 года в Москве была организована персональная выставка работ Т. Н. Яблонской. Мы попросили Татьяну Ниловну поделиться с читателями «Огонька» своими мыслями об искусстве, рассказать о себе и героях своих картин.

Как-то я получила письмо из Кореи. Автор этого письма молодая художница Хон Хо Ер писала, что знает многие мои картины и считает себя моей ученицей. Конечно, ее письмо да и это сообщение доставили мне большую радость. И все же в своем ответе я от всего сердца, от всей души посоветовала Хон Хо Ер учиться прежде всего у жизни — нашего общего, самого мудрого и самого взыскательного учителя.

В наши дни просто немыслимо постигать «премудрости» мастерства в тиши кабинетов и студий. Я глубоко убеждена, что каждая удача художника в творчестве объясняется знанием действительности, проникновением в ее материал.

Никогда, наверное, я не смогу забыть о том, как жила во время войны вместе с сестрой и дочерью в одном из колхозов Саратовской области. Нам, горожанкам, приходилось тогда выполнять всякую работу: полоть, косить, скирдовать, возить на волах воду для поливки огородов... Словом, мы занимались тем, что делали все женщины в колхозе. В моем паспорте так и было записано: социальное положение — колхозница.

А когда после войны, в 1948 году, я приехала в творческую командировку в колхоз имени Ленина, Чемеровецкого района, Хмельницкой области, то мне показалось, что я словно окунулась в родную среду. С женщинами я могла говорить часами, и темы бесед у нас никогда не иссякали... Может быть, поэтому колхозницы и позировали мне довольно охотно. Их лица не «деревенели», когда я подолгу вглядывалась в них. Они сидели передо мной спокойно и непринужденно. И если мне удалось в картине «Хлеб» хоть в какой-то малой мере выразить охватившее меня чувство любви и уважения к этим людям, к их тяжелому и радостному труду, к ловким, ухватистым движениям, исполненным настоящей красоты, ко всему облику женщин-колхозниц, в белоснежных «хустках» орудующих на току, то я обязана всем этим прежде всего жизни, столкнувшей меня с прекрасными людьми, сделавшей их для меня близкими и родными...

В последние годы я довольно много ездила по стране. Исколесила дороги родной Украины. Одну за другой совершила поездки в Армению и Закарпатье. Я присматривалась к своеобразным обычаям и нравам гуцулов, любовалась кавказскими пейзажами — монументальными, декоративно яркими... А как взволновали меня работы армянских художников! Солнечность их палитры, лаконизм и выразительность формы — все это подсказано опять-таки самой действительностью. Не скрою: я позавидовала способности художников Армении рассказывать об их любимой Родине, о ее богатствах и красотах так по-своему, так не похоже ни на кого.

Мне кажется, что поездки по Советской стране дали мне очень много, внутренне обогатили меня. Я по-другому стала смотреть и на свои родные поля, на городские, с детства знакомые пейзажи. И чувствовала, как рождается властная потребность новых выразительных средств в искусстве — потребность более полного отображения национальной формы. Конечно, эти поиски никогда не должны быть внешними, надуманными: национальная форма рождается из жизни, из глубокого знания этой жизни и неподдельной любви к ней.

Я стремлюсь внести в свои картины как можно больше света и воздуха, насытить их солнцем и ветром, сделать рисунок более четким, активным... Короче говоря, хочу не отображать, не копировать то, что вижу вокруг, а со всей полнотой выражать свой восторг перед красотой нашей жизни, ее великими свершениями, перед самим образом современности.

Как и прежде, тема, волнующая меня больше всего,— колхозная деревня: люди, их труд, жизнь, красота родных пейзажей.

Лето 1958 года я провела на Десне. Все меня здесь покорило и тронуло. Громадные заливные луга, одуряющие запахи трав, долгожданная, радостная пора сенокоса. Колхозники на целые недели поселяются семьями в лугах, строят маленькие шалаши, походные кухоньки. На базарах где-нибудь в углу лежат целые груды сверкающих граблей и кос. Предвкушая удовольствие от предстоящей работы, покупатели щурятся, подолгу рассматривают товар, перекидываются задорными прибаутками. Именно здесь, на базаре, я и задумала свое полотно «Скоро сенокос». Хотелось выразить праздничность страдной поры. Хотелось, чтобы картина звучала по-гоголевски: «Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии!» Хотелось, чтобы все было светло и приподнято, чтобы грабли сверкали, словно лучи солнца.

...Я очень люблю писать детей. Дега́ всю жизнь волновали балерины, а меня волнуют детские коляски. А впрочем, кроме шуток, это ведь и на самом деле так. Я не могу равнодушно видеть играющих ребятишек, меня непременно заставят остановиться их забавные фигурки, улыбки... Может быть, это потому, что у меня самой трое детей? Младшей, Гаяне, исполнилось год и пять месяцев. И что уж скрывать: мне, как и каждой женщине, забот с детьми очень много. Но я не жалуюсь. Эти заботы по-своему вознаграждают: они дают энергию, новые силы и желание работать. Правда, иногда приходится писать урывками, но если очень хочешь чего-то добиться, то время для этого всегда найдешь...

Так вот и идет жизнь художника — в непрестанном познании нового. И эту задачу нельзя решить раз и навсегда: она возникает вновь и вновь. И в этом тоже счастье. Надо только не жалеть труда, когда сталкиваешься с великим учителем — жизнью.

Т. Яблонская. СКОРО СЕНОКОС.

«Огонек».

Т. Яблонская. ГАЯНЕ.

Александр ПРОКОФЬЕВ

Просторы

СОРОК СИЛ

Цветочный мед

Не знаю, сказал ли об этом Стоглав:
А что если к славе да сорок слав?

А что если... Землю тогда я спросил:
А что если к силе да сорок сил?

Ты что мне ответишь, Земля моя,
В какие пошлешь ты меня края?

Чтоб взять мне навек эти сорок сил?
Ой, как бы я их на плечах носил!

Без устали нес бы, никак не снимая,
По талому марту, по синему маю!

Давай их поищем, Земля, вдвоем...
...А все они здесь на лугу моем!

На русских просторах звонкоголосых:
И там, где волна набегает на плесы,

И там, где-то в дальних, глубоких яругах,
И там, где ознобом Полярного круга

Повеет с березки, на камне, весенней,—
Бери сорок сил!
Забирай на веселье!

СИБИРЬ — СТРАНА ЗЕЛЕНАЯ

Сибирь — страна зеленая,
Морозами каленая,
Ветрами просоленная,
Судьбой не обделенная!

Сибирь — страна бессонная,
Бетонная,
Кессонная!
Сибирь — страна-громада.
Такую нам и надо!

☆

Енисейская гудит волна:
Сибирячками Сибирь полна!
Полна красоты,
Красоты, веселья,
Колдовские цветы —
Любовное зелье!

☆

Ну, а как сибиряки?
А сибирские полки!
Те, что бились до упаду,
Спесь фашистам снизили.
А сибирские бригады,
А еще дивизии!
Вечно небо над Москвою!
. . . .

Вечно небо заревое
Над равнинным изобильем,
Над Сибирью,
Над Сибирью!

НА ПОЛЯНЕ

Поляну эту чем украсили?
Не видно флагов и огней!
Высокий столб —
Европа — Азия —
Стоит на ней,
Стоит на ней.

В Европе, что ли, печки топятся?
А рядом с гор, с уральских круч,
Две тучи в Азию торопятся, —
И так в Сибири много туч!

Ограда старая, брусчатая,
За ней сибирские края...
Я шаг по Азии печатаю,
А шаг шагну —
В Европе я!

На этом сказка не кончается,
Здесь все берет меня в полон.
...Лесок то в Азии качается,
А то в Европе бьет поклон!

И дышит лес листвою лаковой,
С берез струится тихий свет,
Все хорошо, все одинаково,
Конца и края воле нет!

ЦЕНТР АЗИИ

Синее синего сатина
Лазурь, что разлилась вокруг.
Так вот где Азии средина,
Она в Туве,
В Кызыле, друг!

Она в Кызыле меж домами,
Где рядом чахлые кусты.
Она вот здесь!
Она в кармане
У этой синей высоты!

Центр Азии!
Сильнее грома,
Сильней набата бьют слова.
А он приткнулся возле дома...
Но все ж гордится им Тува!

Всей Азии гордиться впору.
И в этот центр издалека
Глядятся Огненные горы —
Не свысока,
Не свысока!

ГОРЫ

Огненными их зовет Тува.

И она права,
Она права!

Там леса горят и не сгорают,
Ярко-желтым пламенем пылая...
Ярко-красным,
Ярко-золотым,
Самым старым,
Самым молодым,
Самым, самым!

Где-то в поднебесье
Над таким костром летает песня.

ОЙ, ТРАВА ЗЕЛЕНАЯ...

Ой, трава зеленая,
Ну, — семью семь! —
Зеленая.
Ой, тропа тореная,
Ну, видно всем, —
Тореная!

В лугу, в раздолье песню пой
Или сложи запевочку...
Той замечательной тропой
Бежит босая девочка.

Лужок затянет забытье
Без этой Стеши Сташиной.
Босые ноженьки ее
Травой чуть-чуть подкрашены...

Я КУПЛЮ ТЕБЕ КОЛЕЧКО...

Я куплю тебе колечко
С настоящей бирюзой,
Окуну его я в речку
Под ракитой, под лозой.
Чтоб горела, как слеза,
На колечке бирюза,
На твоей, мой свет, руке,
На колечке-перстеньке.

Я куплю тебе колечко,
Чтоб играла бирюза,
Веселилось бы сердечко,
Любовались бы глаза!
Будет камень-самоцвет
Нашим солнышком согрет,
Засверкает свет на нем,
Заиграет огнем.

Я пошлю тебе с колечком
Драгоценные слова:
У тесового крылечка
Не расти, разрыв-трава!
Не расти, не вырастай,
Не цвети, не расцветай.
Бирюзою в нашем небе,
Туча черная, растай!

ЛУЧШЕМУ ДОМКОМУ — ВЫМПЕЛ «ОГОНЬКА»

РАСТЕТ ПРИ ДОМЕ САД

Г. ВЛАДИМИРОВА

Фото Риммы ЛИХАЧ.

Москва, проспект Мира, 124... Большой каменный дом, что значится под этим номером, похож, вероятно, на сотни, тысячи своих собратьев. Высок он и широк и горделиво вздымается из снежно-пушистого, заметенного февральскими вьюгами газона. Растелила пурга на его карнизах и балконах песцовые шкуры, припушила серебром его кровлю-папаху. Есть подобные по величине и стати дома и в других наших городах — в Сталинграде на Комсомольской улице, и в Ленинграде на Невском, и в Минске на проспекте Сталина, и в Риге на улице Ленина... Живут в этих домах-богатырях обычные люди: дворники и музыканты, фрезеровщики и инженеры, хирурги и электрики... Самые обыкновенные люди населяют и московский дом на проспекте Мира. Впрочем, может быть, они и не совсем обыкновенные, во всяком случае, некоторые из них? Посудите сами...

Гулко хлопнула дверь, и по лестнице дробно застучали каблучки. Куда это в такую рань — еще по-ночному сине звездное небо — торопится Тамара Павловна, хозяйка квартиры на четвертом этаже? Маленькая фигурка ее промелькнула во дворе и скрылась в подъезде другого корпуса. Тотчас внизу вспыхнули окна.

А вот еще одна женщина направилась туда. И еще одна...

На дверях вывеска «Красный уголок». А за дверью — узкие шкафчики и, соответственно им, в том же масштабе, стулья и круглые столы. Детский сад?

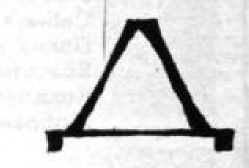
— Наш домовый, то есть общественный, детский сад,— поправляет Тамара Павловна.— И воспитатели сегодня мы сами.

История этого сада такова. Началась она всего лишь год назад, ранней весной, и трудно сейчас сказать, кто ее начал и как. Говорят, что студентки-первокурсницы факультета дошкольного воспитания Педагогического института имени В. И. Ленина. Называют еще фамилию аспиранта Владимира Степанова. Он якобы был первым, посеявшим смятение в умах. Во всяком случае, в доме № 12 по 1-й Ярославской улице общественники домового комитета нашли комнату, вычистили и отмыли ее и обставили на первых порах собранной разномастной детской и недетской мебелью.

Воспитателями, конечно, бесплатными, стали те же самые студентки того же института. Они по очереди приходили сюда каждый день, каждое утро на четыре часа. Приходили и родители, убирали комнату, дежурили, смотрели и... учились. Учиться надо было обязательно, потому что у студентов на носу были экзамены, потом летние каникулы, а потом, может быть, и практика. Студенты ведь не располагающий собой народ! А родителям эта затея очень понравилась, и хотелось ее продлить!

Осенью при жилищно-эксплуатационной конторе № 12 Дзержинского района открылись сразу два общественных детских сада: один в доме № 17 по 1-й Ярославской улице и другой в доме № 124 по проспекту Мира. Первому, имевшему свои, хоть и небольшие традиции, повезло: предоставили ему в новом корпусе отдельную, из трех комнат, со всеми удобствами квартиру. У ребят здесь есть комната для занятий, и комната для игр, и нечто вроде маленького зала. Второму, младшему по возрасту детскому саду приходится пока довольствоваться одной из комнат красного уголка, в котором мы и познакомились с Тамарой Павловной Литваковской.

Много сил и энергии отдает Литваковская этому садику. Он не-

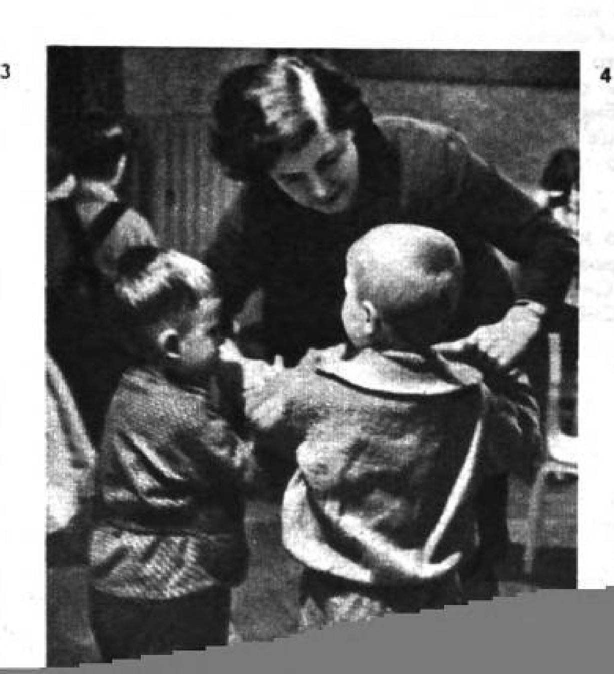
1

2

3

4

велик, в нем всего одна группа — 26 детишек-дошкольников из дома № 124. Однако здесь, как в настоящем государственном детском учреждении, строго-настрого проверяются справки от эпидемиолога, когда мать приводит новичка. Вместе с заместителем секретаря парторганизации ЖЭКа Тамара Павловна ездила в магазин за детской мебелью и игрушками и долго хлопотала, пока удалось добиться разрешения на перевод денег в банк для оплаты этой покупки. Потом она нашла среди жильцов дома пианистку — учительницу музыкальной школы № 1 Екатерину Ивановну Шарапову, которая проводит в детском саду музыкальные занятия. Сейчас Литваковская ходит везде и всюду, вплоть до райсовета, и где требует, а где просит отдельную квартиру для своего детского сада. В зимние студенческие каникулы договорилась с родителями, что они заменят воспитателей, и сама каждый день здесь с раннего утра. В том, что есть, она видит лишь зародыш настоящего домового детского сада с полным восьмичасовым днем.

Да кто ж наконец такая Тамара Павловна?

Мать близнецов, посещающих этот самый детский сад? Отнюдь. Надирия и Рушан — дети дворника, они живут в доме № 124. И сестры-двойняшки Света и Ира тоже не ее.

Может быть, ее дочь — черноволосая пухлая Лариса? Нет, Ларисина мать — Гущина Вера Николаевна, которая, кстати, дежурит сегодня в детском саду.

У Литваковской есть «ребятишки». Однако они несколько переросли дошкольный возраст. Старший сын — инженер, дочь — химик-технолог, а самый «маленький» — лаборант. Тамара Павловна — просто жилец этого большого дома на проспекте Мира. Она заместитель председателя участкового комитета и отвечает за культурно-массовую работу. Детский сад — это ее добровольная сверхнагрузка, которая оказалась и самой хлопотной и самой любимой.

— Мы ведь думаем, получив квартиру, перевести детсад на восемь часов,— делится своими планами Литваковская.— Сейчас малыши здесь с девяти утра до часу дня. А нам этого мало. В каникулы и во время практики общественницы заменят студентов. И я надеюсь, мы справимся. Можно организовать семинар, подучить нас, благо консультанты под боком. Хотя быть воспитателем далеко не просто. С малышами надо заниматься по определенной программе, в которой есть даже свои предметы: родной язык, счет, рисование, конструирование, аппликации, игры, гимнастика.

В обоих детских садах думают о том, что постепенно встанет вопрос о питании и о дневном сне. Раз детский сад, то все должно быть в нем по всем правилам! ЖЭК обещает дать кровати и постельные принадлежности. Белье принесут родители, обед и полдник можно привозить из детской кухни. Самое же главное — жилплощадь для детского сада! Не мешало бы подумать о ней райсовету!

...Растет при доме сад. Не яблоневый, не вишневый, а детский сад...

Из того, что начали студентки Педагогического института имени В. И. Ленина, рождается большое дело. Оно не совсем обычное и под силу лишь подлинным энтузиастам. Но, вероятно, и в доме, в котором вы живете, есть люди, подобные Тамаре Павловне Литваковской. Они живут где-то рядом с вами, и найдутся, конечно, и в Ленинграде на Невском, и в Сталинграде на Комсомольской улице, и в Минске на проспекте Сталина, и в Риге на улице Ленина... Поищите их, и вы тоже сможете придумать и сделать много хорошего для ребят своего дома.

1. Все делаю сам.
2. Екатерина Ивановна Шарапова проводит музыкальное занятие.
3. Убирают помещение матери.
4. И драки тоже бывают.
5. Сегодня с детьми студентка 2-го курса Люба Саренко.
6. Ему тоже хочется в садик.
7. Гремит бубен в руках у Тамары Павловны, и ребята сбегаются к ней.
8. Они слушают сказку...

Не надо топт

Николай АСАНОВ

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

4. Александр и посторонние

Александр медленно шел по Петровке.

Оживленная, довольно шумная толпа текла навстречу, другая, такая же шумная, обгоняла его, а он все никак не мог прибавить шагу, хотя об этом ему и напоминали то толчком в плечо, то ударом сумки в бок. Правда, после толчка обязательно произносили занесенное с юга словечко «извиняюсь!», но хмурились так, словно говорили: «Черт бы тебя побрал, болтаешься под ногами!»

В эти часы Александр редко бывал на улицах.

С трудом он сообразил, что это не толпа прогуливающихся.

Шумной она была потому, что все шли группами, по два, по три человека, громко переговариваясь, останавливались у открытых дверей магазинов, ныряли туда, выныривали и продолжали свой торопливый бег. Это шли покупатели. Большинство, как видно, приезжие, потому что они вдруг задерживались перед витриной какого-нибудь магазина, обозревали ее и стремительно бросались к двери. Другие останавливали каждого третьего прохожего, идущего навстречу, и спрашивали одно и то же: «Как пройти в ЦУМ?», «Где тут ГУМ?» — и, отойдя десять шагов, опять останавливали встречного, словно не верили ничьим показаниям.

Александр свернул в Столешников переулок, но толпа стала еще гуще. В узком этом переулке люди переговаривались с одного тротуара на другой так же запросто, как если бы находились в деревне и кричали с завалинки на завалинку. У каждого магазина — а их тут было в три раза больше, чем зданий, потому что магазины и разнообразные мастерские лепились один к другому, как ласточкины гнезда, — толпились люди, оживленно переговариваясь, будто каждый искал давно утерянных родственников. Почти у всех в руках были свертки, набитые сумки, а то и чемоданы, и опять Александра толкали спереди и сзади, и в спину, и в бока. Александр невольно выругался. Ему бы сейчас побыть одному, подумать, а тут не то что думать, тут и остановиться-то невозможно.

Александр свернул в сквер на Советской площади и присел на пустую скамью.

Фонтан, видно, только что включили, песок с подветренной стороны, куда попадали брызги сильной струи, еще не потемнел, капли воды скатывались с бортика водоема, как сверкающие ртутные шарики, оставляя серебряные дорожки. Воздух вокруг стал мягким, ароматным, словно била не вода, а какой-то сладкий сироп. Александр вспомнил: цветут липы!

Народу в сквере было немного и как бы с разных полюсов человеческой жизни: или старики и старухи, или мальчишки и девчонки по семнадцати-восемнадцати лет. Александр не сразу и сообразил, что тут сидели или пенсионеры, или учащиеся, пришедшие подзубрить кое-что к экзаменам. Была та самая пора, когда беспечная школьная молодежь вдруг постигает все тяготы выбора жизненного пути.

От нечего делать Александр принялся разглядывать молодежь. Очень может быть, какая-нибудь из этих девушек лет через пять придет к нему на завод, где он будет если и не главным инженером, то начальником цеха, и попросит его украсть для нее предложение Пети Королькова... Уж Петя-то наверняка будет изобретать всю жизнь! Как же поступит он, Александр Стожаров, в таком случае? Пошлет ее к черту?..

Однако вот Баклагин не послал. Наоборот, он послал Александра Стожарова за их коллективным предложением, чтобы отдать его Аллочке Славиной. И Александр послушно побежал и взял предложение, вот оно, в обычной канцелярской папке,— фу, дьявол, не по-

Продолжение. См. «Огонек» № 9.

ать цветы

думали даже о том, что следовало бы купить папку хоть из дерматина, в этом виде ее и подавать в Аллины руки неудобно...

Тут Александр окончательно рассердился. И на себя, и на этих молодых людей, и на спешащую мимо нарядную толпу. И даже на Шурочку. Почему бы Шурочке не быть сейчас рядом, чтобы сказать ему нечто вразумительное, ведь она любит поучать его!

И вспомнил: вчера, когда вышел от Баклагина к ожидающей Шурочке, ни словом не обмолвился о предстоящем походе. Больше того, не сказал даже, что не придет на работу. Пусть Шурочка узнает это от самого Баклагина. Скажи ей, что идешь в совнархоз, она, чего доброго, подумала бы, что предложение уже принято, что Александра пригласили выслушать комплименты и поздравления. Не будет ни комплиментов, ни поздравлений! Так-то вот, друг мой Шурочка!..

Он медленно поднялся и зашагал к стоянке такси, став вдруг похожим на старика пенсионера с того полюса человеческой жизни. Если бы Шурочка увидела его в эту минуту, ни за что бы не поверила своим глазам, сказала бы: отец, а то и дедушка ее Александра! И была бы права, потому что Александр был умудрен опытом, переполнен здравым смыслом, а такой груз подчас бывает тяжелее любого другого для сердца...

Через двадцать минут он стоял в кабинете Баклагина. Тимофей Павлович, ухватившись обеими руками за папку, поднял глаза на подателя и вдруг несколько даже отпрянул, до того незнакомый стоял перед ним человек. Гладкое, с орлиным носом, с широкими черными бровями лицо Александра перекосила гримаса, крупные яркие губы сжались, став похожими на лезвия — точь-в-точь приложили один к другому турецкие ятаганы, — ничего «мелеховского» в лице не было. Баклагин совсем откинулся в кресле, помахал правой рукой, левой все-таки придерживая драгоценную папку.

— Что с вами, Александр Александрович? Вот уж подлинно лица на вас нет! А я всегда думал, что это писатели выдумали такую фразочку! Уж не больны ли вы? Так идите отдыхайте! Я уже распоряжение о вашей замене отдал!

— Спасибо, пойду! — с трудом выдавил Александр и, еле передвигая ноги, направился к выходу.

Баклагин долго смотрел ему вслед, а потом, когда без скрипа закрылась дверь, дохнув предбанничным холодком, снова вцепился обеими руками в папку, будто и хотел и несколько страшился открыть ее. Наконец распахнул серую канцелярскую обложку, взглянул на заголовок, схватил телефонную трубку одной рукой, другой, все держа папку, зажал трубку меж плечом и головой и завертел кружок телефона толстым пальцем.

— Алла Борисовна? — пропел он в трубку. — Здравствуйте, Алла Борисовна. Очень удачно получилось, Алла Борисовна! Весь материал у меня, Алла Борисовна! Чудный выйдет диплом, Алла Борисовна! Так и скажите папе, Алла Борисовна! Что? Что? — Тут глазки его расширились и засияли: — Обязательно, Алла Борисовна! Как же, как же, Алла Борисовна! — Зайду, зайду, Алла Борисовна! Сегодня же, Алла Борисовна! — Он прислушался к каким-то словам, лицо его приобрело печальное выражение, будто бог весть что произошло на том конце провода, потом грустно сказал: — Увы, Алла Борисовна! Нельзя! Никак нельзя! Придется уж вам, золотая моя, побывать у нас на заводе! Да! Да! Но это ведь ненадолго! Да и помощь вам все равно потребуется! А кто же лучше поможет, чем Александр Александрович, ему и карты в руки! — Он тихонько хихикнул. — А выносить документы с завода категорически запрещается! Да и то подумать, ведь их, соавторов-то, в этом предложении вагон! Да, да, вагон и маленькая тележка! Вдруг кто из них спросит: «А где эти документы?» А мы им спокойненько: «Вот они!» А практикантке с ними работать и бог велит! Так что уж приезжайте завтра на часик-другой... Нет, нет, вы скоро усвоите! Привет, привет Борису Матвеевичу! Чем, как говорится, богаты, тем и рады... — И осторожно опустил трубку на рычаг, будто все боялся обеспокоить того, кто остался на том конце провода.

Потом лицо его потемнело, как-то сразу набрякло, глаза ушли под тяжелые веки. Перед ним явственно встал Стожаров, каким он появился в кабинете.

Увы, это была последняя вспышка доброй воли! Если человек сказал «А», он обязан говорить следующую букву азбуки...

5. Шурочка и Александр

Александр отсутствовал целый день, и Шурочка извелась вконец. Получив утром письменное распоряжение Баклагина заменить начальника участка, она решила, что Александр отправился на завод-смежник «выбивать» — как это называлось на заводском языке — какую-нибудь недостающую деталь. Но день шел ни шатко ни валко, никаких чрезвычайных происшествий не было, следов Александровых действий на заводе-смежнике тоже не замечалось, и к концу смены Шурочка совсем сдала, даже с лица, как говорится, спала.

После смены она, торопливо переодевшись, пошла в общежитие. Ведь человеку свойственно иногда и заболевать! Хотя она верила в спортивное здоровье Александра, но грех да беда на кого не живет? Однако соседи Александра сообщили, что Стожаров как уехал с утра, так дома и не был. Тут уж Шурочка стала подозревать неладное.

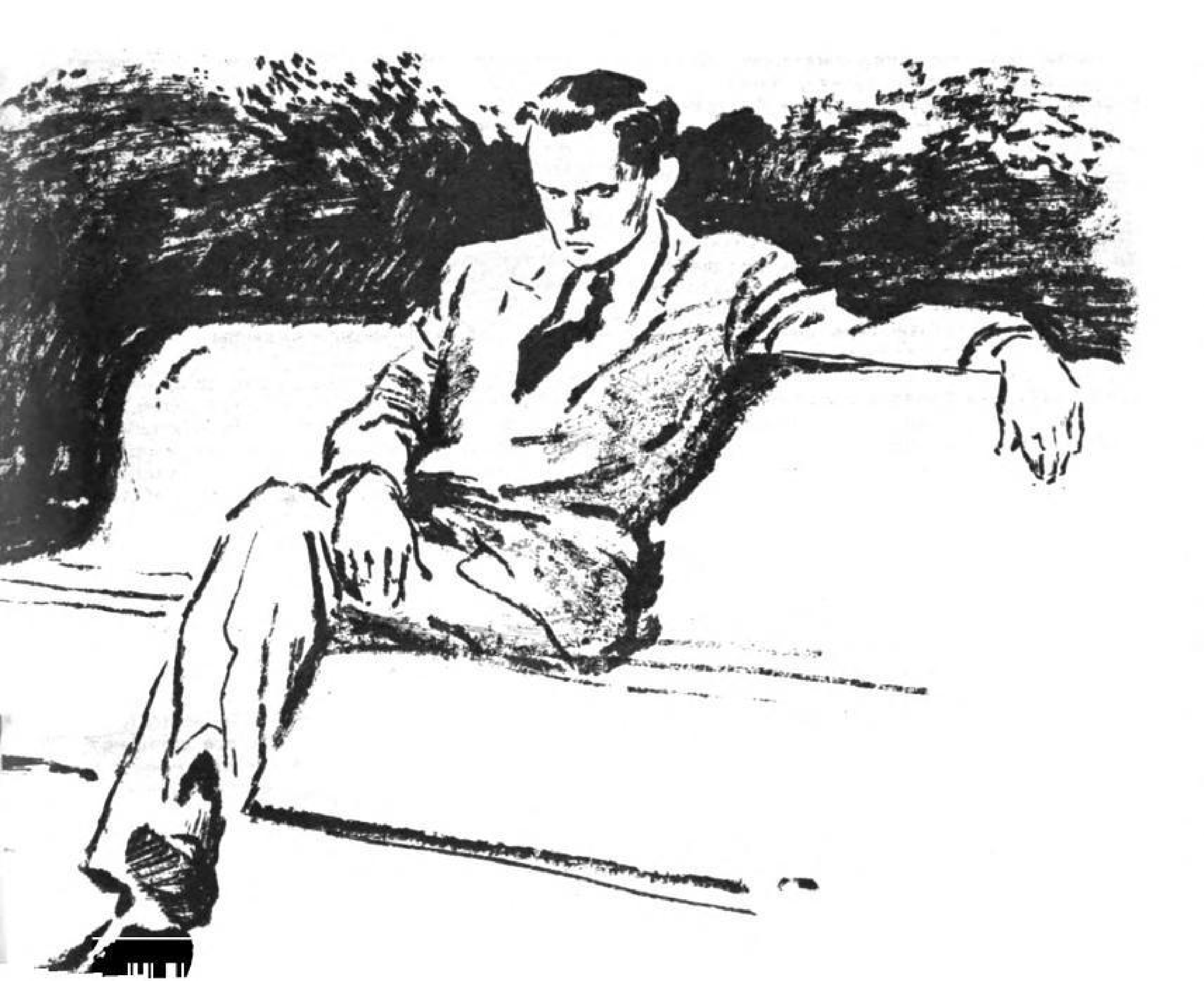
Но девичья гордость — штука странная. Удостоверившись, что Александр не болен, Шурочка вдруг прониклась холодным равнодушием к нему. Во всяком случае, посидеть у соседей и подождать Александра не зашла, на лавочке под окнами общежития тоже не осталась, более того, придя к себе в комнату, на постель в слезах не бросилась. Наоборот, с аппетитом пообедала — благо не ее очередь была готовить обед: они жили вчетвером и дежурили по два дня подряд, а известно, что у дежурной никогда аппетита не бывает, — переоделась уже по-вечернему, выбрав плиссированную юбку-колокол, белую нейлоновую кофточку, и пошла на танцы.

Танцевали в клубном саду, на бетонной площадке. Это, конечно, не паркет, туфли снашивались так быстро, словно их рашпилем обдирали. Но заводских модниц это не волновало: слава богу, сами зарабатывали, хоть из каждой получки босоножки покупай, никто слова не скажет. Ну, немножко сэкономишь на еде, и только.

Зато в парке было свежо, пахло липами, цветами. Электрические лампочки висели, словно жар-птицы, прямо на деревьях, от этого свет казался зеленоватым, будто проходил на площадку через глубокую морскую воду. И все лица становились незнакомыми, словно с них смыло привычные черты, а новые еще не очень отчетливы; так бывает только в двух случаях: при проявлении негативов да еще во сне.

Шурочка танцевала с Петей Корольковым или с Женей Ястребовым. Других ребята к ней просто не подпускали. Но сегодня и лицо Жени Ястребова выглядело изменившимся. Оно стало серьезным, печальным, будто парню вдруг вместо двадцати двух стукнуло тридцать, и он впервые задумался о том, что и он смертен. Шурочке казалось, что о смерти люди начинают думать именно после тридцати, это ведь уже почти старость!

Александр все не появлялся, хотя именно

из-за него-то Шурочка и пришла на площадку. Так уж у них было уговорено: если того или другого задержат дела, то после всех дел надо забежать на минуту в парк, другой наверняка там... А Саша не забегал...

После очередного танца Шурочка присела в дальнем конце площадки на скамью; Петя и Женя, как положено кавалерам, стояли над нею, подобно рыцарской страже. Шурочка взглянула мимоходом в зеркальце, чтобы попудрить нос, и ахнула. У нее лицо тоже было печальное, глаза — как озера черной воды: столько грусти глядело оттуда. Она перевела испуганный взгляд на Женю Ястребова, тонкие черты которого заострились, под глазами образовались черные кольцеобразные пятна, и вдруг поняла: да ведь Женя грустен оттого, что любит! И любит ее!

У нее сладко-сладко защемило сердце, словно волной нахлынула тоска, еще неосознанная, но от этого не менее острая. Значит, вот как это бывает! Она тоскует по Александру, а рядом стоит человек и тоскует по ней! Она вскочила на ноги, подхватила своих рыцарей, сказала:

— Мальчишки, пошли есть мороженое!

Рыцари согласно кивнули и пошли было к клубному кафе, где Александр мог бы легко их отыскать, но Шурочка потянула их за ограду, потом повернула к Москве-реке, и они поняли: она бежит от Александра. Переглянулись безгласно и ускорили шаг.

Кутеж был печальный. Правда, они честно высидели до часа закрытия в водном ресторанчике-поплавке «Чайка», не только ели мороженое, но и коньяку попробовали, кроме Шурочки, конечно, которая до сих пор крепче сахарной воды ничего не пила; но то ли тень Саши Стожарова витала над ними, то ли веселье не дается по заказу, вспомнилось, что завтра на работу, заторопились, выскочили ловить такси. И ни душевного разговора, ни утешительной, ничего не значащей болтовни так и не получилось.

Утром Александр оказался в цехе, вел себя так, будто и не догадывался, какой казнью казнил Шурочку вчера. Больше того, только поздоровался с ней и тут же отошел к станочникам, потом в инструменталку, потом поднялся к себе, будто и не замечал Шурочкиных тревожных взглядов. В конце концов Шурочка перестала искать его глазами, у нее и своих дел достаточно!

Близко к полудню она услышала голос диспетчера, вызывавшего через репродуктор:

— Начальника третьего участка вызывает товарищ Баклагин! Начальника третьего участка вызывает товарищ Баклагин...

Диспетчер, наверно, повторял бы свою фразу до скончания века, но Саша уже подбежал к телефону сказать, что он тут, слышит... Шурочка проследила за ним, удивилась, что он сначала поднялся в свою конторку, но потом сообразила: переоделся! Да, Александр сбросил комбинезон, вышел из конторки в своем веселом сиреневом костюме, как будто собрался встречать гостей.

Однако в цех он не вернулся.

Шурочка взяла бразды правления в свои руки. Что ж, это бывало. Вызовут начальника на совещание или для разноса, ей приходится управляться одной. Но Александр всегда подходил к ней перед уходом, предупреждал: «Шурочка, посмотри тут, я скоро вернусь...» — а сегодня даже предупредить не соизволил.

В цехе шел тот спокойный и ровный разговор металла с металлом, который лучше любого сигнала докладывает, что все хорошо. То Петя Корольков, то Женя Ястребов, оторвавшись на минуту от своих дел, подходили к Шурочке, или она, обойдя линию потока, задерживалась возле них на минутку спросить, как с заделом, как с поступлением деталей. Это была проформа. По одному шуму станков можно было понять: все идет нормально.

Александр не появился и в обеденный перерыв.

После перерыва на второй линии вдруг послышался сбой ритма. Станок Пети Королькова выключился из веселого разговора и замолчал.

Сначала Шурочка подумала, что Петя меняет резец. Но прошло две-три минуты, и она почувствовала: согласный хор станков разлаживается. Выключился станок номер пять, за которым работал Женя Ястребов.

Она побежала к станку, и каблучки загремели по металлическим плитам пола, как тревожная дробь барабана. Женя уже спешил навстречу, сбычив голову, сжав губы, размахивая забытой в руке ветошью, которой, видно, обтирал замолкнувший станок. Негромко сказал:

— Деталь «И18» идет с перекалом...

В это время совсем рядом с ним остановился станок номер три, и наступившая тишина была такой пустой, что слова Жени прогрохотали в ней громом. Фрезеровщик у третьего станка старик Потапыч — это прозвище дали восемнадцатилетнему мальчонке за необыкновенную ловкость рук, только вместо Хоттабыч именовали, согласно паспорту, Потапычем — стоял у станка, держа в обеих руках разломившуюся у основания деталь и все стыкал обломки, будто ждал, что они склеятся.

Шура взяла детальку и посмотрела на излом. Он был серебристо-серый от перекала.

Хитрая эта деталь — рогулька — фрезеровалась у основания крючка, тут в нее должна была входить втулка. От быстрого резания она распалась пополам.

Ну, а если резать медленно? Она, конечно, уцелела бы. Но сколько прослужил бы прибор с такой деталью? Час? День? А ведь на него надеялся бы человек, может, доверил бы ему жизнь! Приборы, в которые входит эта деталь, ставят и на самолеты...

Шурочка побежала к телефону. Термический цех, как нарочно, долго молчал. В это время остановился еще один станок.

— Термический? Кто говорит? Иван Иванович, измените режим детали «И18»! Перекал! Я выключаю станки!

Женя, стоявший у телефона, будто только и ждал этого: махнул рукой с ветошью в сторону станков, и те, вдруг зашипев на перепаде энергии, сразу умолкли. Шурочка только тут сообразила, что произошло. Это уже было Чрезвычайное Происшествие.

Во-первых, без начальника участка она не уполномочена выключать станки. Во-вторых, она понятия не имела, какой задел можно пустить вместо злосчастной детали «И18».

Все громче стуча каблуками по металлическим плитам, как барабанщик, бьющий тревогу в полку, она выбежала из цеха. Она даже забыла, что можно поговорить по телефону, телефонистка, наверно, скорее отыскала бы Стожарова, обзвонив все кабинеты управления.

Первый же встречный в управлении на вопрос: «Где Стожаров?»,—ухмыльнувшись чему-то, ответил:

— В кабинете главного технолога.

Шурочку это не удивило. Стожаров мог быть и у главинжа, и у директора, и у технолога. Ее удивила ухмылка, сопровождавшая это сообщение. Она торопливо рванула дверь.

Стожаров, то есть Александр, ее Александр, сидел за столом технолога, развалившись в кресле, одной рукой водя по линиям какого-то чертежа, а другою рукой полуобняв спинку второго кресла, в котором весьма уютно устроилась Алла Славина.

Шурочка так торопилась со своим сообщением, что остановилась только возле самого стола. От негодования она забыла поздороваться с Аллой Борисовной и не проговорила, а прокричала приготовленную фразу:

— Александр Александрович! Термисты «рогульку» запороли!

Алла Борисовна подняла холодные глаза на Шурочку и, обернувшись к Александру, промурлыкала, как кошечка:

— Александр Александрович, вы разве служите в пожарной команде?

Александр, вскочивший при выкрике Шурочки на ноги, снова опустился в кресло и железным голосом сказал:

— Переведите линию на обработку А-5. Можете идти...— И только после паузы добавил: — Шурочка...

Но Шурочка уже не могла уйти. Она все стояла и таращила глаза на чертеж, который рассматривала Алла Борисовна. Это был их чертеж! Святая святых бригады! Тайна трех мушкетеров! Так сама же Шурочка окрестила Александра, Петьку и Женю, когда они начали разработку проекта! К нему была причастна и Шурочка! Пусть меньше, чем Петька, Женя, но тоже причастна!

И вот этот чертеж, сданный ими в совнархоз — она помнила, какой это был чудный день, когда они шли все вчетвером в совнархоз,—лежал перед Аллочкой, и она перелистывала его своими грязными руками. Это, конечно, было преувеличение. Шурочка понимала: и руки у Аллы Борисовны были чистые, со свежим маникюром и перелистывала не она, а Александр, полуобняв одной рукой кресло Аллочки, а другой водя по линиям чертежей,— но дела это не меняло! Все равно, Алла Борисовна влезла в их чертеж грязными руками, шагала по их сердцам в грязных туфлях, хотя сейчас из-под юбки высовывались кончики лакированных босоножек на каблучках шпилькой. И Шурочка гневно крикнула:

— Александр Александрович, что это значит?

И Александр, ее Александр, вдруг опустил глаза, пробормотал:

— Понимаешь, Шурочка, мне вернули проект для доработки... А товарищ Славина заинтересовалась им...

Рука его, лежавшая на кресле Аллочки, дернулась и упала вниз. Алла Борисовна перевела немигающий, холодный взгляд с лица Шурочки на его лицо и спросила:

— А разве товарищ Коробова член контрольной комиссии? Я считала ее просто мастером цеха...

«Ага, она даже и фамилию мою знает!» — с ожесточением подумала Шурочка. Сама Шурочка вспоминала свою фамилию, только расписываясь в получении зарплаты да еще в дни собраний, когда председатель объявлял: «Слово товарищу Коробовой!» — в просторечии ее все звали Шурочкой.— Значит, эта змея сначала расспрашивала обо мне, об Александре, может, и обо всех остальных членах творческой бригады! Нет, она не змея, она воровка! Она собирается украсть сначала наш проект, а потом, может, и Александра? Так вот нет же, не будет этого, не будет! Я еще поймаю тебя за руку!»

Но этот молниеносный монолог Алла могла прочитать только по глазам Шурочки и, видно, прочитала. Шурочка заметила, как Аллочка поежилась и даже придвинулась к Александру, словно искала у него защиты. Против кого? Против Шурочки! У кого? У Александра!

Этого Шурочка не могла вынести. Она повернулась и вышла, забыв проститься. Да и дела ждали. Линия стояла уже целую вечность! Шурочка взглянула на часы и удивилась. Прошло всего три минуты!

Как же много может произойти за три минуты! За три минуты может изменить любимый человек. Может пасть ниц перед искусительницей тот, кого ты считала образцом человека. За три минуты опытная искусительница может украсть плоды многодневной работы целого коллектива, стоит ей только найти слабину в человеческом сердце. Шурочка бежала обратно в цех, громко стучали ее каблучки по бетонированной дорожке, потом по металлическим плитам цеха, но теперь, прислушавшись, можно было различить тоскливую дробь. Так, наверно, били барабаны при исполнении приговора в давние-давние времена. Вот уж не знала, не гадала Шурочка, что ей когда-нибудь придется самой наказывать свое собственное сердце...

6. Александр и Славины

— Кажется, я навлекла на вас грозу...— сочувственно сказала Аллочка, когда затих грохот нервно захлопнутой двери. Ее пухленький, как у младенца, локоток с ямочкой уперлась в грудь Александра прямо против сердца, и, должно быть, от этого сердце вдруг забилось быстрее. — Так на чем мы остановились?

— На количестве приспособлений, которые нужны для обработки приборов...— Язык у Александра стал словно бы деревянным, было трудно проталкивать слова.

— Ай-яй-яй, — произнесла Аллочка, — неужели вас так взволновала эта история с деталью? Но вы поступили, как Наполеон! Или вас беспокоит Шурочка? — Она взглянула быстро-быстро и отвела глаза. — Не волнуйтесь, пожалуйста, девушки всегда и все прощают! Видите, я тоже прощаю вашу задумчивость. А если девушка мечтает нести крест, она простит и большее...

— Что значит — нести крест? — Александр снова положил руку на Аллино кресло.

Когда девушка отклонялась назад, рука касалась плеча и распущенных волос. К Александру постепенно возвращалась та легкость, с которой они начали эту работу.

— Все девушки делятся на три категории, — уверенно сказала Аллочка. — Одни ищут принца, другие жаждут нести крест, третьи... Ну, о третьих вам знать еще рано! — Она усмехнулась.

— О, это что-то очень интересное! — воскликнул Александр. Он и на самом деле был заинтересован. Шурочка с ним таких разговоров не вела. Он вообще ничего не знал о том, что и как думают девушки о любви. А Аллочка говорила так просто, словно он не мужчина, а ее подруга. Аллочка снова повела на него выпуклым черным глазом, в котором где-то глубоко-глубоко играла смешинка, этакая искорка завитушкой. Вот-вот всплывет и закроет весь глаз, и тогда он станет необыкновенно большим, страстным, огненно-жарким. Но Аллочка потушила эту искорку и сказала, лениво протягивая слова:

— Принца ищет большинство девушек. Но принцы теперь встречаются редко. Поэтому искательницы принцев разочаровываются через три недели после свадьбы и бегут разводиться.

— Ну, а те, что несут крест?

— Крестоносительниц меньше. Они ищут не столько мужа, сколько страдания и возвышения через страдание. Знаете, этакое искупление Евиной биографии. Вот ваша Шурочка как раз крестоносительница. Она будет обожать вас, а потом, даже если вы ей надоедите, прощать и нести свой крест...

Ему не понравилась та легкость и ирония, с которой Аллочка говорила о Шуре, но в то же время он не мог не признать: характер Шурочки был обрисован пусть и остро, но правильно. Шурочка действительно все прощает. Простит и этот грех. Ну, то, что он сидит здесь с Аллой и показывает ей проект. И все-таки ему захотелось чем-нибудь уязвить Аллочку. Он спросил:

— Ну, а сами-то вы к какой категории принадлежите?

— Я? — Она чуть-чуть потянулась, и теперь вся ее жаркая спина коснулась его руки. Выпрямляясь и поправляя прозрачную нейлоновую кофточку на груди, она насмешливо ответила: — Я — к третьей!

— Что же это за третья категория? — не отставал он.

— Много будете знать — скоро состаритесь! — Она подмигнула ему, как заговорщица, и сразу изменила тон: — Так сколько же приспособлений нужно для создания приборов?

Вот такой мягкости в переходе с одной темы на другую Шурочке никогда не хватало. Шурочка была способна говорить о заводских делах часов пять-шесть подряд. И Александру самому приходилось останавливать ее. А может быть, это происходило потому, что Шурочка робела при разговорах о любви? Ей, видно, казалось, что такие разговоры обязательно ведут к поцелуям. А она призналась Александру, что именно с ним поцеловалась первый раз в жизни. Но вот разговаривает же он с Аллой на самые странные темы, однако это ни к чему их не обязывает! Он вздохнул, сожалея, что легкий разговор так быстро окончился, и перешел на прозу:

— Для выпуска наших аппаратов и приборов требуется около пяти тысяч приспособлений и инструментов...

— Сколько? — Она так и осталась с полуоткрытым ртом.

— Точно не помню, но кажется, четыре тысячи восемьсот пятьдесят или что-то около этого.

— И я все это должна знать? — Ее страх был столь велик, что он невольно рассмеялся и даже покровительственно положил руку на ее плечо, словно хотел потрепать ее как младшего товарища, чтобы немного ободрить. Она этого движения как будто не заметила, потому рука осталась на плече, когда он принялся объяснять, как все это просто. Рука даже помогала ему успокоить Аллу.

— Сюда входят все приспособления, штампы и инструменты, начиная от термической обработки металла до сборки прибора. А так как приборов много и они не однотипны, то и приспособления разные. Но вам достаточно знать те, что употребляются в нашем цехе. Их совсем немного, около девятисот.

— Девятьсот! — Глаза ее были широко раскрыты, будто она пыталась вместить в зрачок это необъятное количество всяких резцов, станков, захватов и прочих металлических штук, угрожающе поблескивающих в дальнем углу комнаты, куда она смотрела. Впрочем, там ничего не было, кроме пыльного фикуса.

— Потому-то я и предлагаю в проекте пользоваться сборными приспособлениями... — Он впервые сказал о проекте «я», и слово прошло без сучка, без задоринки. Поэтому дальше стало говорить легче. — Одну линию станков я перевожу на автоматику, на этой линии будут обрабатываться только массовые заказы. Каждый станок будет снабжен копировальным устройством и электронно-вычислительным прибором, человек в процессе работы этой линии принимает участие только как датчик приказа и контролер. Ну, а остальные линии будут выполнять те задания, которые требуют

постоянной смены приспособлений, так сказать, разовые заказы...

— Это я усвоила, — с какой-то трогательной робостью сказала Алла, — но вот девятьсот приспособлений... — Она опять замолчала. Потом с неожиданной бесшабашностью выпалила: — Никогда не умела отличать фрезу от кочерги и никогда учиться этому не стану!

— Но инженерия!..

— С какой стати я стану инженером? — Она капризно надула губки. — Инженером будете вы! И главным! А я буду секретарем конструктора. И тоже главного! Первое время...

— Зачем же вам тогда диплом?

— А почему вы решили жениться на Шурочке? Взяли бы какую-нибудь Анечку без диплома! Нет, вам надо кому-то рассказывать о ваших мужских делах да еще чтобы вас понимали! — упрекнула она.

— Так... Значит, диплом полагается невесте согласно правилам хорошего тона? — Он готов был рассердиться, но в ее бесшабашной прямоте слышалось что-то такое, что останавливало его и подавляло его негодование.

— Кстати, о правилах хорошего тона, — перебила она. — Надеюсь, вы меня проводите домой?

— Пожалуйста, — не очень учтиво согласился он, даже и не поняв, как сумела она ускользнуть от опасного разговора. А девушка уже потянулась к телефону и набрала номер. Он слушал, как Аллочка защебетала в трубку:

— Папа, пошли за мной машину. Да, да, на завод. К какому часу? — Она мельком взглянула на Александра, он подумал: «Скажет: сейчас!» — но она нерешительно протянула: — Ну, часам к шести. Да, прямо домой...

Александр усмехнулся: «Все-таки считается с тем, что начальнику участка не полагается уходить с завода без разрешения, или, вернее, без приказания высшего начальства. Но чем же мы будем заниматься остальное время?»

Но Алла нашла чем заняться. Спустя несколько минут он аккуратно перечерчивал схемы, а сама она переписывала «объяснительную записку», над составлением которой когда-то Александр трудился месяца три. У нее дело шло быстрее. К шести часам записка была переписана, притом очень красивым почерком, без ошибок. Это он выяснил, когда Алла попросила проверить ее работу.

Ее работа! Он уже больше не гневался на то, что вот так пришла посторонняя девушка и довольно нагло крадет его многомесячный труд. Забыл он и о том, что в труде этом есть большая доля работы его товарищей. Конечно, будь они тут, у них, наверно, нашлись бы возражения. Но товарищей не было. А он смотрел довольно равнодушно на то, что Аллочка, даже и не очень понимая ценности этой работы, снисходительно ворует ее да еще жалуется, что в ней слишком много формул и объяснений. Дипломной комиссии, пожалуй, надоест все это проверять, возьмут да и дадут четверку, с них станется.

Он попытался представить Аллочку хищницей. Нет, из этого представления ничего не получилось. Какая же она хищница! Просто привыкла к тому, что ей всю жизнь и все преподносили в готовом виде. Папа старался, чтобы она была одета лучше всех, мама думала только о том, как бы повкуснее накормить дорогую дочку, — вон как она выхолена, выхожена, выкормлена... Ни на его долю, ни на долю Шурочки ничего подобного достаться не могло. Его мать была и осталась работницей. Отца убили на фронте. Мать можно бы уже освободить от работы, но она желает выйти на пенсию полноправной хозяйкой своей судьбы. Даже и теперь, когда стало ясно, что он получит квартиру, мать отказалась покидать свой комбинат в Иванове.

И у Шурочки судьба сходная. Правда, у Шурочки есть и мать и отец. Они живут в Подмосковье, у них там домик, дачка не дачка, но все-таки пристанище. Отец работает на деревообделочном комбинате, мать возится с младшими детьми, сердится, что Шурочка перебралась в город, нашла себе «железную» профессию, за городом с такой не пристроишься, отделилась от семьи. Но вообще-то они люди добрые, можно будет летом отдыхать у них на даче, не надо беспокоиться о том, где провести отпуск. Александр и Шурочка уже решили: один год — в туристский лагерь, другой год — на даче, третий год — куда-нибудь на курорт. Сейчас-то они здоровы, никакой курорт не нужен, но Шурочка — человек предусмотрительный, она заранее думает о том, что настанут такие времена, когда у них будут и дети, и недомогания, и, может быть, неприятности по службе. Во всех этих случаях хорошо иметь неподалеку близких людей, которые всегда помогут...

Он и не заметил, как его мысли от Аллы Борисовны переметнулись к Шурочке, зато Алла Борисовна замечала все: вдруг дотронулась до его руки свернутым в трубку чертежом, спросила:

— И как далеко вы улетели в ваших мечтах? Не пора ли выполнить обещание и проводить меня? Можете даже позвонить Шурочке, что вечером зайдете к ней, я не ревнивая...

Было во всех ее словах и поступках какое-то неприятное легкомыслие. Но... с другой стороны... Может быть, она тем и хороша, что все считает легким? Он совсем запутался в этом противоречии. Но Шурочке, несмотря на милостивое разрешение, звонить не стал. Шурочка не так просто относится к жизни. Пришлось бы долго и путано объяснять, как это получилось, что он должен куда-то ехать с Аллой Борисовной, провожать ее, тем более что Аллу Борисовну ждет машина. Пусть шофер ее и проводит! Александр просто встал из-за стола, свернул чертежи и завязал папку, положил в сейф, щелкнул ключом. Что же, все правильно, документы, «не подлежащие выносу», остались на месте. Выносятся просто записи практикантки, которые нужны ей для работы над дипломом. Скользнула какая-то болезненная усмешка, потемнели на минуту глаза, но Аллочка действительно все видела и понимала. Она уже уцепилась одной рукой за его руку, манерно оправила свободной рукой широкую юбку, будто это кринолин, низко поклонилась Александру, пропела:

— Я к вашим услугам, мой рыцарь!

Машина ждала у подъезда, длинная, черная, сверкающая лаком. Шофер, улыбаясь Аллочке, — ей почему-то все улыбались! — открыл дверцу. Аллочка впорхнула в темное нутро, потянула, смеясь, Александра, и машина беззвучно ринулась с места.

Александра качнуло и прижало к жаркому, упругому телу. Он осторожно выпрямился, но машину все время заносило на поворотах, и то он, то Алла постоянно клонились один к другому. Его насмешила эта игра инерции, сама природа сталкивала их. Ухватившись наконец за толстый ременный поручень, висевший сбоку, он ухитрился чуть-чуть отодвинуться и для того, чтобы избавиться от неловкости, заговорил:

— А все-таки, Алла Борисовна, к какой же категории девушек вы относите себя?

Машину снова качнуло, что ли, только Алла опять прижалась к нему, шепнула так тихо, что он едва разобрал: «Я — грешница!» — и вдруг поцеловала его прямо в губы. Он даже опомниться не успел, слишком все это произошло молниеносно, только подумал, как это ловко у нее получилось! Когда он впервые поцеловал Шурочку, то уперся губами куда-то в щеку. А Алла Борисовна уже сидела отстранившись, выпрямившись, только обращенные к нему глаза горели яркими усмешливыми огоньками. И вроде бы не было никакого поцелуя, может, ему и в самом деле только показалось? Но на губах он все еще ощущал жар ее губ и аромат каких-то духов, — ах да, это же запах ее губной помады! А она, посмеиваясь, наблюдала за ним и ждала, проглотил он язык или может что-то сказать.

— Зачем вы... Алла?.. — пробормотал он хриплым, странным шепотом.

— Это только за вашу помощь! — проговорила она и отвернулась, чужая и неприступная. Должно быть, она ждала не таких слов.

На его счастье или несчастье — тут не разберешься! — машина остановилась, и Алла распахнула дверцу. И в то время, пока Александр вылезал вслед за нею, чувствуя себя ужасно неуклюжим и потому почти что несчастным, рядом остановилась еще одна машина, будто долго ждала и только что вынырнула из-за угла, и из нее вылез толстый, неповоротливый внешне, но тем не менее легкий на ногу человек. Александр с удивлением узнал Славина. Алла удивленно-радостно воскликнула: «Папа!» — и толстяк пошел на голос. Они очень нежно поцеловались тут же, на улице, потом Алла обернулась к Александру и весьма естественно произнесла:

— Знакомься, папа, мой шеф и руководитель, Александр Александрович Стожаров.

— А, знаю, знаю! Много слышал о вас, Александр Александрович! — добродушно произнес толстяк, протягивая мягкую толстую лапищу. — Рад вас видеть! Аллочка, веди гостя в дом!

— Что вы, что вы! — смущенно забормотал Александр, но Славин надвинулся на него всей мощной фигурой, тесня к подъезду дома. Аллочка, мило улыбаясь, тянула его за руку, и Александр невольно двинулся вперед. А Славин, гремя ключом от лифта, благосклонно гудел:

— А что пьют молодые инженеры? Водку? Коньяк? Впрочем, в холодильнике должно быть и то и другое! Прошу, Александр Александрович! Прошу!

Лифт загудел, и Александр вдруг почувствовал себя, как пленник в клетке. Оттого, что клетка передвижная, ему было не легче.

Продолжение следует.

ПЯТЕРКА ДРУЖНЫХ

...В цехе, где монтируют арматуру маленьких радиоламп, в крайнем у стены ряду сидит Лилия Лемешенко. В потоке ее стол — второй. Она берет пинцетом крохотный слюдяной изолятор — основание лампы, вставляет в отверстия тончайшие сеточки, пинцетом же подравнивает их, обдувает сжатым воздухом, приваривает точечной сваркой нужные детали и передает своей соседке.

Получилось так, что пятеро девушек — целый поток — появились на заводе почти в одно время. Алла Гордеева — первая, за ней — две Нины, Новикова и Сигаева, и Женя Максимова. Они и сидят «по старшинству». Только Лиля Лемешенко, которая пришла на завод позже всех, заняла место не по порядку: сменила ушедшую работницу.

Два года назад Лиля получила аттестат зрелости, пошла в исполком Сокольнического района, и ее послали на электроламповый завод. Ее подруги пришли сюда тоже после десятилетки. Их поток самый молодой в бригаде и по возрасту и по опыту. Но девушкам уже доверяют сборку сложнейших ламп. Когда лампа попадает к монтажницам, она стоит всего одну копейку. А после сборки становится в двадцать три раза дороже! Вот что такое монтажницы арматуры.

Все девушки — комсомолки. Их бригада, возглавляемая мастером Натальей Ванниной, борется за звание бригады коммунистического труда. Поэтому девушкам нужно и работать отлично и во всем остальном успевать! Женя Максимова учится на третьем курсе заводского техникума. Лиля и обе Нины — на курсах по подготовке в Московский энергетический институт. Занимаются девушки и общественной работой: все они пионервожатые в подшефной школе. Обе Нины были уже в лыжном походе со своими семиклассниками.

Свободное время дружная пятерка проводит вместе. Все они много читают. Если появилась интересная книга, ее передают из рук в руки, устраивают читательские конференции.

— Очень хорошие девчата, — говорят о пятерке в цехе. — Что ни поручат, все сделают!

А. РУБИНА

Москва.

Монтажница арматуры радиоламп Московского электролампового завода Лилия Лемешенко.

На развороте вкладки:
Лезгинка!.. Государственный ансамбль народного танца Дагестана.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

За всех сыновей земли!

Спектакль окончился, но никто не спешит в гардероб. Публика ритмично бьет в ладоши, скандируя: «Па-шен-на-я!», «Па-шен-на-я!».

Десятки раз уже сомкнулся занавес, и вновь его распахивают, уступая чувству жаркой человеческой благодарности, которая требует выхода и рвется наружу из переполненных сердец...

Вся в черном — мать, скорбящая о своем сыне,— Пашенная выходит на авансцену, совсем близко к приветствующим ее людям, молча прижимает руки к груди... Ее глаза блестят жаркими, непролившимися слезами, и кажется, что она смотрит далеко сквозь стены зала и видит не только людей Греции, не только мать-воительницу, киприотку Ламбрини, которую сейчас сыграла в «Острове Афродиты»...

Ощущение могучей внутренней силы, напряженной до отказа, словно натянутая струна, доходит до всех. Оно заставляет людей взволнованно перешептываться: «Смотрите, как похожа сейчас наша Пашенная на Долорес Ибаррури...»

Без парика и почти без грима играет Вера Николаевна свою Ламбрини. Удивительно, что никаких внешних ухищрений не требуется этой замечательной актрисе для полного перевоплощения в образ. Зато полностью мобилизованы все духовные средства, причем здесь работают, кроме яркой артистической фантазии, еще и гражданская, еще и партийная страсть. Они одухотворяют каждый жест, каждое движение, каждое слово простой женщины с острова Кипр.

Величие материнства поднято актрисой до огромного обобщения: героиня Пашенной — это прекрасная и непобедимая Женщина Современности, живое олицетворение Родины. Она отстаивает счастье и жизнь всех сыновей на земле, мир и спокойствие всех матерей.

Сама роль эта — подвиг!.. Вера Николаевна репетировала ее тяжело больная. И достигла чуда, показав прекрасную душу Ламбрини — несгибаемую и такую отзывчивую, гордую и чуткую...

Все чувства, которыми живет человек, ведомы актеру: боль и радость, гнев и сострадание... Глядя на Пашенную, когда она на сцене, видишь, как титанически возрастают эти чувства. И не устаешь радоваться поразительному, покоряющему, великолепному мастерству.

Народный артист РСФСР П. ГЕРАГА

Народная артистка СССР В. Н. Пашенная в роли Ламбрини Кирьякули. «Остров Афродиты» в Государственном академическом Малом театре.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

ПОЮ О ПРЕКРАСНОЙ СТРАНЕ

РАССКАЗЫВАЕТ ОНО ТЕРУКО

Оно Теруко со своим педагогом, профессором Московской консерватории Н. Л. Дорлиак.

Фото О. Кнорринга.

Мой дедушка был крупным капиталистом, а его сын — мой отец Оно Миякити,— закончив университет, решил посвятить свою жизнь театру, и дед отрекся от него.

Это не остановило отца. В 1924 году в Токио был организован прогрессивный драматический театр «Цукидзи». Отец стал там ведущим актером; особенно ему удавались чеховские и горьковские герои. Очевидно, ему близка была их мечта о справедливом мире. В эти годы отец вступил в Коммунистическую партию Японии.

Мать моя Акико Сэки с детства училась пению, с отличием окончила консерваторию; ей сулили блестящую карьеру в Японии. Но она вышла замуж за коммуниста, и все изменилось: она осталась без работы... Вместе с отцом мать посещала собрания рабочих, пела там революционные песни. Вскоре отца заточили в тюрьму. Я увидела его впервые, когда мне было три года: мама взяла меня с собой в тюрьму на свидание с ним. Домой отец вернулся, когда мне было уже девять лет. Он был болен и вскоре скончался.

Мы остались вдвоем. Мать старалась изо всех сил, чтобы я не чувствовала нашей нужды и училась. Вскоре началась война. Сгорел дом от бомбежки, не было денег, не было еды. Впервые я о многом призадумалась... После окончания гимназии я поступила в консерваторию.

В 1948 году мать организовала коллектив «Поющие голоса Японии». В его репертуаре были русские и советские песни, японские старинные мелодии и современные — в защиту мира, против атомной войны. В различных городах страны подхватили это движение и создали филиалы нашего коллектива.

В 1955 году маме моей Акико Сэки, руководителю движения «Поющие голоса», была присуждена международная Ленинская премия. Но демократическая Япония рассматривала это событие как награду всем борцам за мир.

Когда мать поехала в Москву получать высокую награду, решилась и моя судьба. Меня приняли в Московскую консерваторию. Я поняла здесь, что все, чему я училась у себя на родине, было лишь подготовкой к новым, более серьезным занятиям: в Японии ведь еще нет глубоких вокальных традиций, кроме того, на родине я совмещала уроки в консерватории с общественной работой в коллективе «Поющие голоса». Мы много ездили по стране, и я поэтому не могла всецело отдаться занятиям.

Четыре года пребывания в Москве... Жалко, что они так быстро прошли! Это много счастливых, незабываемых дней. Я чувствовала себя дома, а не в гостях. Я жила в дружном и веселом общежитии, у меня была отдельная комната и рояль. Я училась у профессора Н. Л. Дорлиак — педагога большой вокальной культуры и умного, отзывчивого человека.

Я возвратилась к себе на родину. И теперь пою своим землякам о вашей прекрасной стране, пою русские и советские песни, чтобы еще лучше узнали, а значит, и полюбили они народ, которому отдана половина моего сердца.

Мун Со-Ней

В фарфоре отражается солнце

Ты идешь на работу, сидишь, склонившись над книгой, гуляешь с ребенком в парке, лежишь под ярким солнцем у моря и не думаешь, что на тебя пристально смотрят глаза художника: «Ты мне нравишься, современник! Таких людей еще не было. Как мне передать новую красоту твою?..»

Я пересмотрела десятки фарфоровых фигурок, созданных Ниной Александровной Малышевой, и наконец спросила:

— Кто же все-таки ваши главные герои?

— Хорошие люди,— ответила художница,— люди, с которыми хочется поговорить.

Одиннадцать лет назад наш журнал писал о Нине Малышевой: «Молодая женщина создала интересные скульптуры... Это наши будни...» Праздничные, или, как говорит сама Нина Александровна, «опоэтизированные» будни продолжаются в новых сериях, изготовленных все на том же Дулевском заводе, которому неизменно верна художница. Это серии «Фестиваль», «Танцы», «Союзные республики», «На солнышке».

Нину Александровну привлекает тема здоровой, сильной, дерзновенной юности, сейчас она делает серию «Новоселы». Это целинники — молодые люди на молодой земле. И вот они, эти молодые, еще не в сияющем фарфоре, а только в темном пластилине: парень ввинчивает лампочку в новой комнате, совсем юная пара входит в дом, веселая женщина тащит огромное блюдо, рядом с ней самовар — новоселы!

— Сейчас я задумала новую серию, «Строители»,— рассказывает Нина Александровна.— Почему именно «Строители»? Потому что это молодость, это идущие впереди. Все это горячо, живо и светло!..

Горячо, живо и светло творчество Нины Александровны Малышевой. На все международные выставки фарфора Советский Союз с гордостью посылает ее работы. На выставке в Индии была ее композиция «Садко» из пяти фарфоровых скульптур: Садко, стоящий на волнах, Любава и Волхова и два расписных, сказочных, ярких, как песни, древнерусских кораблика. Народная легенда, превращенная в красочный фарфор руками Нины Александровны Малышевой, рассказывала в далекой Индии не только о Древней Руси, но и о Советской России...

За работы, экспонированные на Выставке достижений народного хозяйства, Нине Александровне вручена бронзовая медаль. В комнате художницы висит и другая, бронзовая, на которой написано: «Всемирная выставка в Брюсселе. 1958 год» — и еще написано: «Pour un monde plus humain» — «За мир более человечный». Медаль попала по адресу: каждая маленькая фарфоровая фигурка художницы Малышевой призывает бороться за мир более человечный.

А. ЖУКОВА

Статуэтки работы Н. Малышевой.

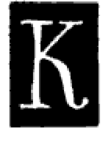

Мой гость

Рассказ

Григорий ХОДЖЕР

Рисунок П. САРКИСЯНА.

Ко мне в гости едет дедушка. Об этом сестренка сообщила телеграммой: «Встречай дедушку Анадырь».

— Здравствуйте! — невольно вырвалось у меня, когда я прочитал телеграмму.

— А мы уже здоровались,— улыбнулась молодая почтальонша.

— Нет... то есть да... это телеграмма,— пробормотал я.

Когда удалилась почтальонша, я прошел на кухню, где в это время жена готовила ужин.

— Вот новость, у меня объявился новый дед,— сказал я,— не только объявился, даже в гости приезжает! Зовут его Анадырь.

— Чудак ты! — засмеялась жена, прочитав телеграмму.— Так это же пароход «Анадырь»!

И вот на следующий день я встретил деда. Восемь лет я не видел я с ним, думал, он постарел, сгорбился: как ни говори, восемьдесят с лишним лет должны все же сказаться. Сестренка писала, что старик последнее время часто похварывает, даже несколько дней пролежал в больнице.

Неуверенно перешагивая через ступеньки трапа, придерживаясь за перила, с парохода сходил высокий, худой старик, с удлиненным лицом и веселыми хитроватыми глазами, которые совсем исчезали за ресницами, когда он смеялся.

Только став на твердую землю, он зашагал бодрее и говорил и смеялся, не обращая внимания на окружающих.

— Хотели меня отправить по железной дороге, но ты же знаешь, никогда в жизни я не приближался к этим железным домам: грохота и шума боюсь. Теперь, к старости, быстрой езды стал бояться. Решил, веришь, сам решил, на пароходе ехать. Ох, как хорошо на пароходе! Кругом вода, а ты на железе сидишь, тепло, солнышко печет, рядом с тобой железные машины стучат, правда, я старался от них подальше быть. Понять не могу, как это железо в воде не тонет... Ты знаешь, твой отец с матерью хотели твою сестренку со мной отправить: думали, я заблужусь. Я говорю им: не надо мне ничего, я хочу один ехать, да и деньги зачем зря расходовать, их никто даром не дает. Где я могу заблудиться? Я же на родном Амуре, кругом здесь свои нанайцы, все, кроме меня, грамотные и русский язык знают. Тебя бы не нашел, все равно не заблудился б, спустился бы по течению Амура — и дома!

Да, дед мой остался прежним шутником, безумолчным говоруном. Веселый старик! С ним никогда не скучали охотники в тайге в долгие вечера и в ненастные дни. Нередко таежники приходили на его охотничью стоянку за десятки километров, чтобы послушать сказы, легенды, были.

Старик без передышки довольно легко поднялся на четвертый этаж и тут же принялся обнимать и целовать моих домашних. Перезнакомившись со всеми, он снял верхнюю одежду, кепку и пошел осматривать квартиру.

— Ох, сколько у тебя книг, неужели все перечитал? Почему тогда голова у тебя не распухла? — опять шутил он.— Радио у нас тоже есть, правда, лампочек пока нет, но в соседних селах есть, значит, и у нас будут. Книги тоже есть, все в таких же разноцветных рубашках. Сам своими глазами видел в клубе. Зачем тебе столько столов?

— За этим столом я работаю,— указал я на свой письменный стол.

— А-а-а! У меня в твои годы нарта была да оморочка из бересты, и ни одного стола. Э-э, это у тебя телефон? Твой? У нас тоже есть телефон в сельсовете, только он не для одного председателя поставлен, для всех, кто только захочет говорить.

Дедушка слегка иронизировал надо мной, но я не обижался. Трудно, конечно, чем-нибудь удивить моего деда: нынешние старики прожили при Советской власти сорок с лишним лет, сами многое видели, им известны спутники Земли, и, только наблюдая за их движением, они не перестают удивляться, почему эти звезды летают без моторов.

Но дед мой все же был удивлен, когда увидел громыхавший чайник на газовой плите.

— Это что, твой домашний очаг? Как это большой чайник закипел на таком маленьком огне? Без керосина, без бензина горит, говоришь? Ай-яй-яй! Наверно, долго надо жечь, чтобы чайник закипел?

— Нет, совсем недолго, ты даже не успеешь выкурить одну трубку,— ответил я.

— Сильный, видать, огонь. Я думаю, его сила в том, что он синий.

Сделав такой всеобъемлющий вывод, старик отвернулся от плиты: она его больше не интересовала. Я открыл ванную. Здесь дед при виде душа опять пришел в восторг:

— Ай, какая хорошая штука! Можно под теплым дождем мыться, а если хочешь, можно даже улечься в этом белом корыте. Хорошо придумано!

— Дедушка, помойтесь с дороги, а я в это время на стол буду собирать,— сказала жена.

— Хорошо. Мыться можно, почему же не мыться, если есть горячая вода да такое белое корыто? Нэку[1], ты только объясни мне, как дождь сделать. Да скажи жене, обязательно скажи, пусть не думает, будто я месяц не мылся, скажи, у нас в селе тоже есть баня. Это мы раньше не мылись, кожа толстая была, тело даже не чесалось, нет, вру, чесалось иногда, когда сильно потели.

Дед опять сел на своего любимого конька, он говорил без конца, медленно снимая с себя одежду. Только тогда, когда на нем остались одни трусы, он выпроводил меня из ванной. Мылся он самое большое минут двадцать.

— Нэку! Нэку! Иди сюда скорее! — раздался его тревожный голос.

Я вбежал в ванную. Дед стоял мокрый, но в трусах, его еле было видно в густом паре, заполнившем помещение.

— Дождь сделал, а вода только горячая пошла, чуть не сварился... Забыл, что надо сделать, чтобы проклятый дождь прекратился...

Я выключил воду, спустил из ванны горячую воду. Старик тем временем молча одевался.

— Дедушка, ты заканчивай, сейчас я перемешаю горячую воду с холодной, все будет хорошо.

[1] Нэку — ласкательное обращение старших к младшим.

Два стихотворения Леси Украинки

К 90-летию со дня рождения

Эти стихотворения выдающейся украинской поэтессы Леси Украинки впервые публикуются на русском языке. Поэтесса была связана большой дружбой с одним из видных русских марксистов, Сергеем Константиновичем Мержинским, в ту пору тяжело больным. Под его непосредственным влиянием Леся Украинка стала горячей пропагандисткой революционного слова. Вместе с тем ее стихи полны тонкой лиричности, в них слышится нежный голос заботливого друга, верного соратника в борьбе. Поэтесса, сетовавшая на то, что ее слово «не сталь боевая», показала в своих стихах, как надо любить и ненавидеть, сражаться и побеждать.

Александр ДЕЙЧ

●

Все, все покинуть, вновь крылья раскинуть,
К тебе полететь бы, милый, желанный.
Все, все покинуть, как ты, в мраке сгинуть,
Друг мой далекий, мой свет несказанный.

Нет, рядом с тобою биться б с судьбою.
С злой силой, тебя надломившей, спорить.
Взять тебя с бою — иль сгинуть с тобою:
И пусть сгинут с нами счастье и горе.

16.XI—1900.

●

Ой, я прострелена, изрублена словами...
Душа моя от ран изнемогает,
Как будто стрелами и острыми мечами
Меня его рука издалека карает.
Остановитесь, рвущиеся к бою
Слова; покоя б хоть на миг единый!
Уже мы в сердце ранены с тобою
В затеянном не мною поединке.
Не мной, ой, нет! Молить — одно я знала;
В рыданьях опустившись на колени,
Я все, что было на сердце, сказала,
Одно лишь утаила я моленье:
«Добей меня, но только сразу, милый!»
Как этот крик из губ сомкнутых рвался!
Но я свела бы им тебя в могилу,
И голос мой, не прозвучав, порвался.
И онемела грудь. Завидней, право,
Удел был рыцарей, прочь с седел сбитых,—
Имел спокон веков старинный рыцарь право
Вскричать: «Убей меня!» — и... быть убитым.

17.XII—1901.

С украинского перевела Ирина Воробьева.

— Нет, нэку, я уже кончил, ты же знаешь, я долго никогда не моюсь.

Старик немного отдохнул после мытья, и жена пригласила нас к столу. После первых рюмок дед захмелел, стал еще веселее.

— Хорошо, нэку, живешь, очень хорошо! — повторял он десятки раз.

— Дедушка, а вы долго у нас будете гостить? — спросила жена.

— Долго. Пока будешь кормить, поить — никуда не уеду. Год буду жить, почему не пожить в таком доме?

— Живите, дедушка, хоть насовсем оставьтесь,— смеялась в ответ жена.

Уложили мы деда спать в кабинете на диване. Когда я утром встал, чтобы закончить начатую вчера работу, то нашел старика сидящим на полу. Матрац со всеми принадлежностями он стащил на пол и, видимо, тут и спал.

— Спать не могу: на новом месте мне всегда не спится,—пожаловался он.—У тебя здесь очень шумно, утром еще темно было, какая-то машина проехала, и я потом уже не мог уснуть. Проклятый шофер нарочно, наверно, так гремел.

— А почему постель у тебя на полу?

— Вечером никак не мог уснуть, тело мое состарилось, не такое гибкое, каким было в молодости. Собака, и та ищет ямку: в ямке-то удобнее спать.

Я сел возле старика и терпеливо ждал конца этого длинного объяснения.

— В выемке всегда теплее даже человеку,— продолжал дед.— А твой диван выпуклый, сколько ни жми, выемки не получается.

— Так на полу выемки тоже не получилось?

— На полу удобнее, чем на твоем диване.

Разговор прекратился. Я сел работать, а дед перебрался все же на диван и курил одну трубку за другой. Прошел час, дед не проронил ни слова.

— Дедушка, тебе не скучно? — спросил я.

— Чего же скучать? Ты сидишь за столом, не скучаешь, я тоже сижу, всякую думу думаю.

Мы опять углубились в свои мысли и сидели до тех пор, пока не проснулись дети.

В этот день я показывал деду город. Мы бродили по центральной улице, заходили в магазины, потом сели в такси и проехались по соседним улицам. Дед опять шутил и много говорил. Оказывается, он был в этом городе молодым и искал теперь дома, улицы, которые напомнили бы ему прежний город.

— Смешно все же в жизни бывает, нэку,— говорил он, вернувшись домой.— Человек живет и с каждым годом стареет, а город чем дольше стоит, тем моложе становится. Смешно!

В этот день дед никуда не ходил. Он отказался от кино, от театра, не захотел даже прокатиться на машине в другой конец города. Он сидел за столом и рассматривал с правнуками иллюстрированные книги из моей библиотеки. Когда правнуки разбежались, старик замолчал, замкнулся в себе, стал нехотя отвечать на наши вопросы. Мы с женой решили, что уморили старика длительной прогулкой по городу, и уложили его спать. Утром в половине шестого я был, как всегда, на ногах. Дед сидел на диване.

— Знаешь, что сегодня меня разбудило? — спросил он и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Ветер. Слышу сквозь сон или наяву, летит стая уток, большая стая. Вскакиваю, а это ветерок налетел на деревья, которые за твоим окном. Под такой веселый шумок я могу спать, знаешь, даже веселее, легче стало на душе. Потом то ли заснул, то ли не заснул, тут дом задрожал, такой шум раздался, я думал, голова лопнет. А вы, городские, даже не просыпаетесь, да? Привыкли. Это самолет был, этот новый, как его? Да, да, «ТУ». Думаю, он над самой трубой пролетел, как бы за другой высокий дом не зацепился.

Мы поговорили немного и замолчали. Я сидел с пером в руке и никак не мог сосредоточиться, не мог написать ни одной фразы. Не знаю, сколько прошло времени, первым заговорил дед.

— Скажи, нэку, ты всегда так молча работаешь?

— Да. А что?

— Каждый день? Даже месяцами сидишь?

— Да.

— Тебе не бывает скучно?

— Ты же сам, дедушка, вчера говорил, что не скучаешь, когда думаешь много.

— Э-э, это другое! Когда в тайге начнется пурга, ты сидишь в палатке и от нечего делать думаешь. Но пурга не может бесчинствовать целый месяц. Когда она перестает, мы тоже перестаем думать о всяком и идем охотиться. А так, день за днем, целый месяц охотник не может думать, ему ходить надо, зверя бить.

Я молчал, все еще пытаясь сосредоточиться.

— Теперь я понял, нэку, зачем тебе такой дом нужен,— продолжал старик.— Тебе нечего делать на улице, ты сидишь за своим столом, будто кто тебя пихтовой смолой присмолил.

— Такая моя работа...

— Вот, вот, чтобы лучше работалось, ты закупи хлеба, крупы, сахару, масла на целый месяц и сиди, как барсук в норе. Тебе незачем будет на улицу выходить.

Мне не хотелось спорить, и я не стал рассказывать о своих многочисленных поездках по краю. Я только что вернулся из Нанайского района и писал рассказ об учительнице.

— У тебя дома хорошо, у тебя все под рукой. Это очень хорошо, но ты совсем разленился...

— Я же работаю, сам видишь,— не выдержал я.

— Вижу, работаешь, не об этом говорю. Ты совсем забыл, как ружье держат, как сети ставят.

Я засмеялся и начал рассказывать о весенней охоте на реке Симин, что впадает в озеро Болонь. Старик молчал и смотрел мимо меня в окно.

— Хотел я тебя рассердить,— сказал он наконец.

— Зачем? — удивился я.

— Если бы ты рассердился, мне легче было бы уехать. Легче было бы на душе.

— Ты что, дедушка, решил уже домой ехать?

— Я устал, нэку.

— Но ты же ничего не делаешь.

— Вот потому и устал. Мне надо руками, ногами работать, головой думать много я не могу.

— Ты же обещался подольше погостить.

— Обещался, и поэтому стыдно слово обратно взять. Но я не могу больше у тебя жить. Вот смотри, за окнами дерево от ветра качается. Ты привык к нему, а я смотрю, и у меня голова начинает кружиться, мне кажется, будто я не на твердом полу стою, а на сучке того дерева качаюсь. Нет, я не могу, нэку, больше ни одного дня здесь жить не могу, отпусти меня.

— Дедушка, ты же обещался в кино с нами сходить.

— Ничего, одни сходите, а я дома посмотрю, у нас в клубе тоже кино ставят.

— Тогда в театр сходил бы.

— Театр у нас тоже есть, молодые рыбаки с пионерами сами театр показывают.

— Ты просил показать тебя доктору.

— Не надо доктора, если оставишь еще на день, тогда правда заболею.

Когда проснулись дети и жена, мы всей семьей уговаривали деда остаться, но старик не поддавался уговорам.

Вечером мы провожали его. Пока пароход не дал второго гудка, он стоял возле нас на дебаркадере и шутил, говорил без умолку и смеялся весело, как в первый день приезда. После второго гудка он поцеловал всех нас и бодро зашагал по трапу, даже не держась за перильца.

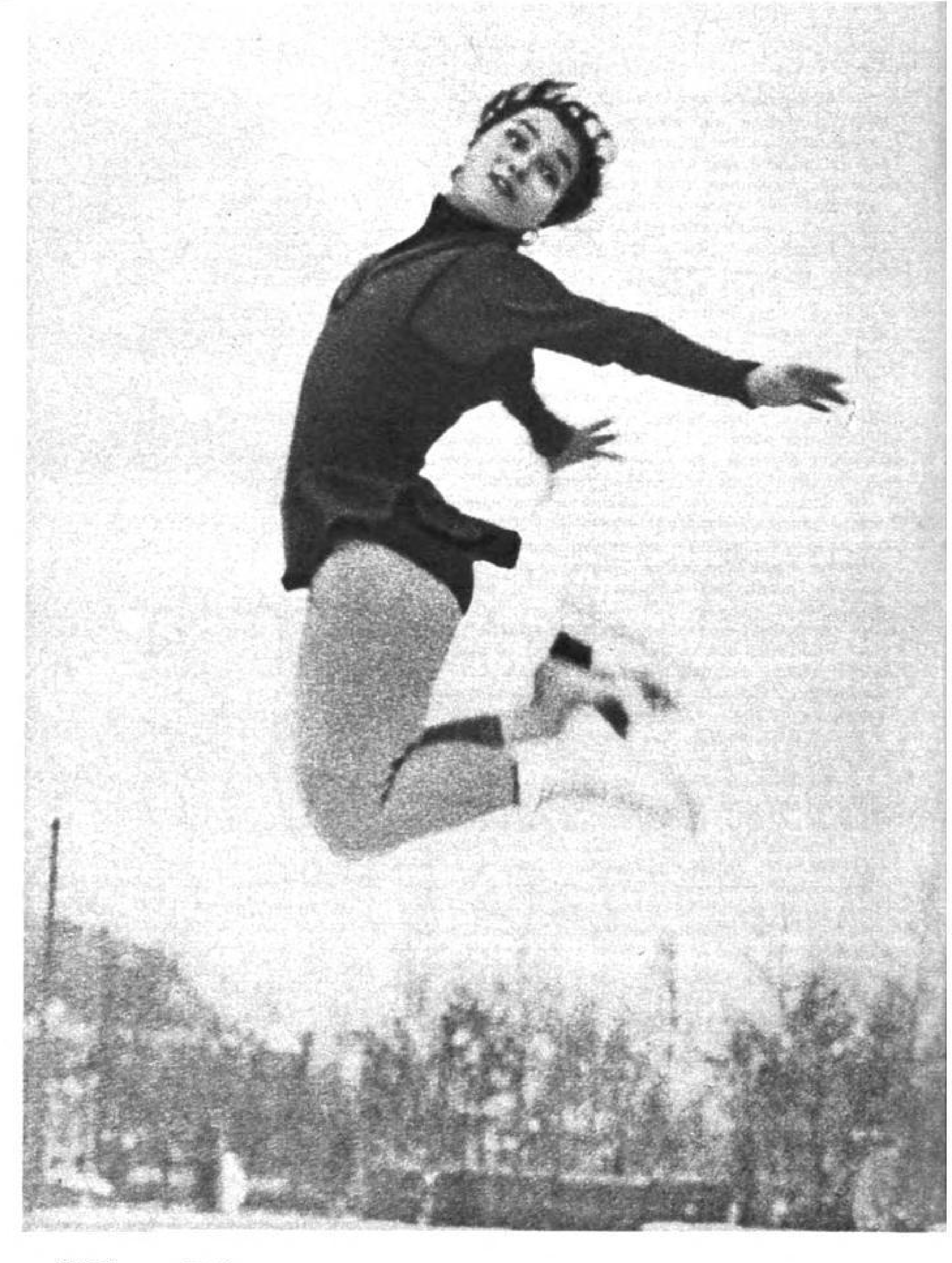
Я смотрел ему в спину, и мне казалось, что дед мог бы, пожалуй, бегом пуститься по шаткому трапу, если бы на него не смотрели многочисленные пассажиры и провожающие и, самое главное, его маленькие черноглазые правнуки. Я не был в обиде на деда, потому что знал его непоседливость, понимал, что его ничем в городе нельзя удержать: ведь у него в висках стучала нанайская, дерсуузаловская кровь.

Евгения ИМБОВИЦ

Фото А. БОЧИНИНА.

О чем с таким увлечением беседуют три девчушки? И кто они? Да это же известные наши фигуристки! Две из них: Ира Люлякова (слева) и Таня Немцова (справа) — члены сборной команды СССР, а Галина Холопова — одна из сильнейших фигуристок стадиона Юных пионеров. К этому следует добавить лишь одно: перед вами фотография, сделанная в 1955 году, когда три подружки только начинали заниматься фигурным катанием. А вот как выглядят эти девочки сегодня, спустя шесть лет. Мы повторяем для сравнения снимок, опубликованный на последней обложке этого номера.

Марто

Мартовский лед на стадионе дышит весной. Над катком неумолчно звенят детские голоса. Школа фигуристов стадиона Юных пионеров — одна из самых образцовых. Сюда пришли в свое время учиться Ира Люлякова, Галя Холопова и Таня Немцова.

Вот они, первые шаги (фото № 1).

Шестилетние ребятишки внимательно ловят каждое слово тренера. С новичками занимается Галя Седова, также воспитанница стадиона Юных пионеров (фото № 2).

Не всем легко дается сложное искусство грациозных движений на льду. И тогда мама утешает неудачника (фото № 3).

«Любишь кататься, люби и падать», — могла бы сказать новичку Таня Бардан. Ей десять лет, и половину своей жизни девочка увлекается фигурным катанием. Теперь она уверенно чувствует себя на льду. Легок и точен ее пируэт (фото № 4).

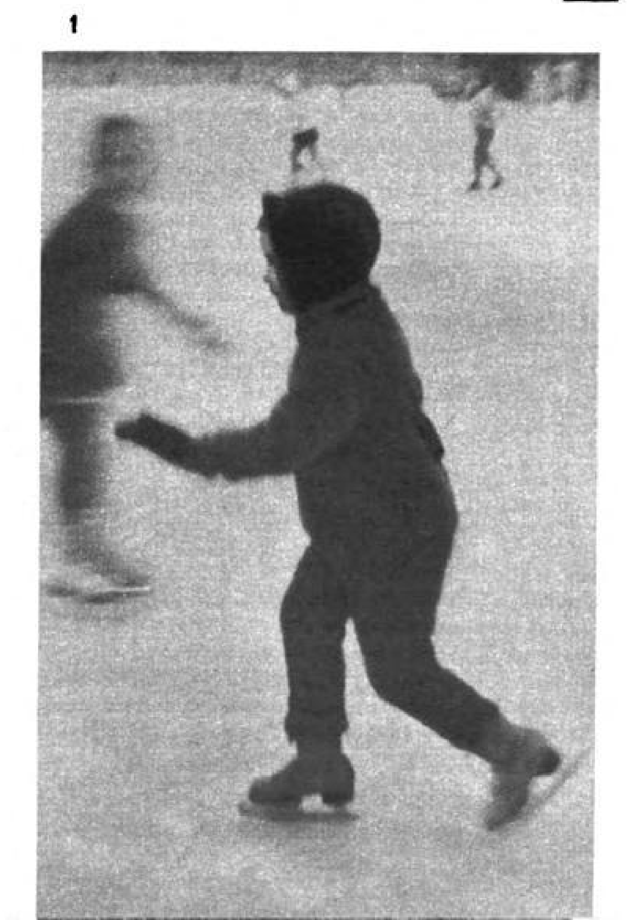
Занятия с юными фигуристами начинаются еще до того, как ребятишки становятся школьниками. Затем маленькие спортсмены проходят годичный курс обучения по более сложной программе, не только на катках, но и в хореографическом зале. Лишь после успешного окончания подготовительного курса фигуристы попадают в основную школу фигурного катания, где знакомятся со школьным и произвольным катанием.

Школа фигурного катания для всех питомцев стадиона Юных пионеров одинакова, но после семи лет занятий у каждой спортсменки вырабатывается своя манера, свой стиль. Вспомним хотя бы трех девочек, с которых мы начали свой рассказ.

Иру Люлякову отличают быстрота и темперамент. Ее программа насыщена сложными прыжками и пируэтами. Галина Холопова, тонкая и гибкая, соединяет мягкость и изящество с отличной подвижностью, а Тане Немцовой присуща великолепная пластика, красота и точность движений и тонкое понимание музыки. Она очень артистично использует элементы хореографии, как бы вплетая их в свое произвольное катание. Ее стиль, сдержанный и лиричный, был высоко оценен на последнем первенстве страны: четырнадцатилетняя фигуристка стала чемпионом СССР в одиночном катании.

Пройдет еще несколько лет, и новички, с которыми мы познакомились на мартовском льду, совершат вот такой же сложный прыжок, как это делают на верхнем снимке Ира Люлякова, Галина Холопова и Таня Немцова.

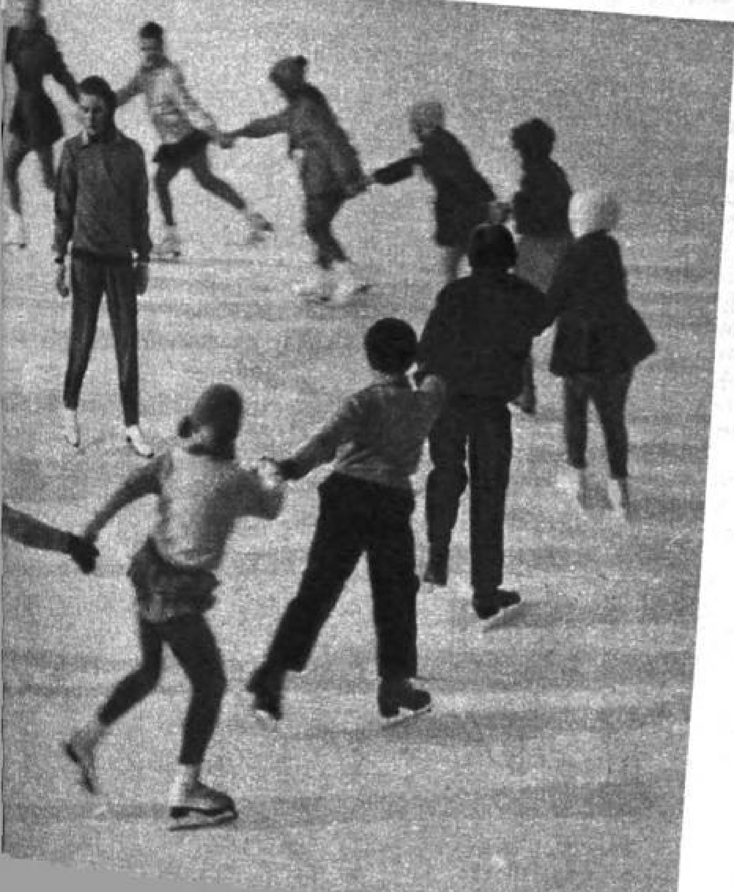
1

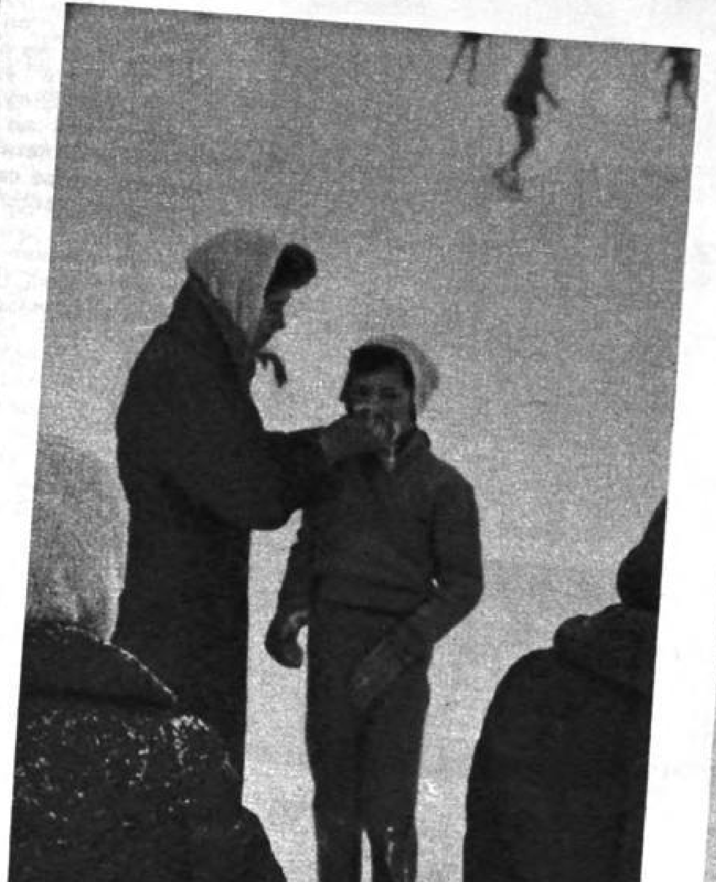
2

ВСКИЙ ЛЕД

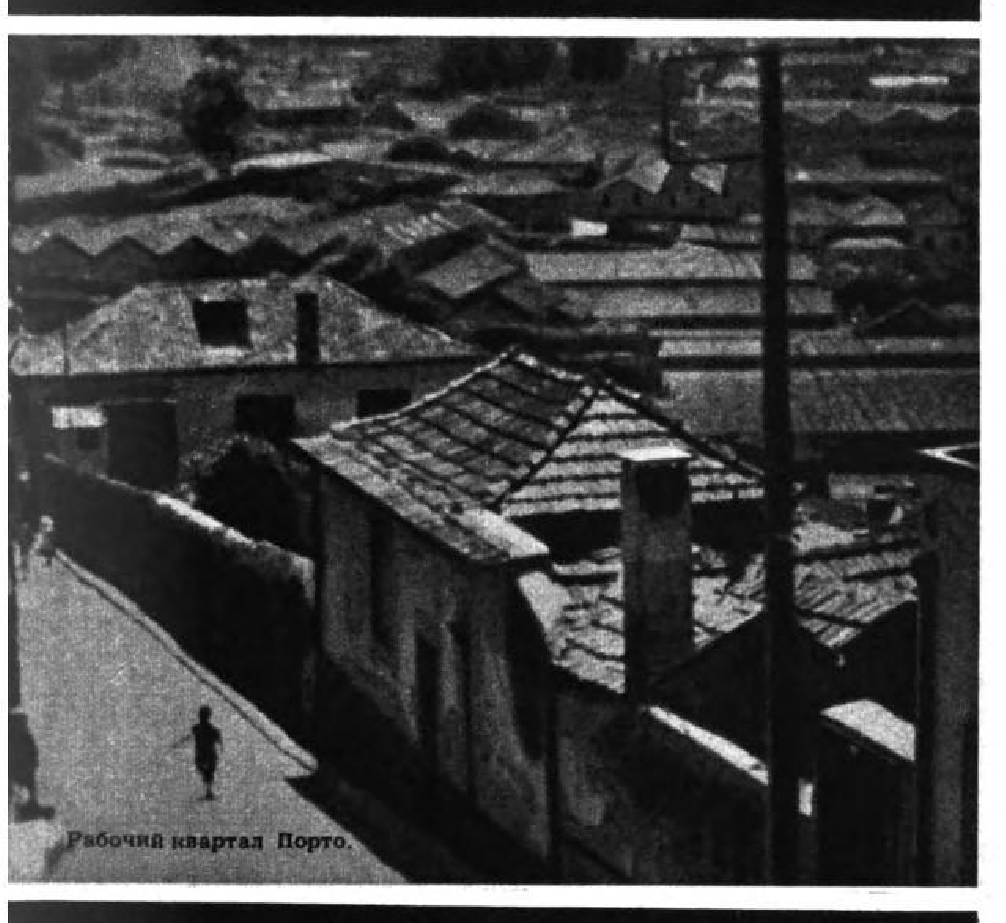
3

4

В СТРАНЕ

Рабочий квартал Порто.

КАПИТАНА

Прачки.

ГАЛВАО

Ю. ЗУБРИЦКИЙ

Фото автора.

В жизни порой происходят события, которые заставляют вновь пережить и перечувствовать далекое или недалекое прошлое. Так, отважный рейс лайнера «Санта Мария», захваченного португальскими патриотами, вновь напомнил мне недавнее посещение Португалии, страны тяжелой судьбы и мужественных людей, страны капитана Галвао.

* * *

Мы оставляем самолет и шагаем прямо в ночь. Темнота стоит вокруг такой густой пеленой, что утро и день кажутся невозможными.

Так встретила нас Португалия.

В гостинице, где я остановился, поужинать было уже нельзя: поздно. Надо искать вечернее кафе. Улицы почти пустынны. Первое живое существо, попавшееся по дороге, оказалось полицейским, второе — жандармом. Квартала через четыре нашел кафе. Слышу негромкий разговор хозяина с официантом, не подозревающими, что их понимают: «Это американский турист. Постели ему скатерть». Через минуту на столик ложится белоснежная скатерть; остальные столики в кафе лишены этой роскоши.

— Я вас слушаю, мистер! — Официант улыбается заученной улыбкой.

Ответ на португальском языке заставляет удивиться и смутиться его. Он ловко выполняет заказ, однако, видимо, любопытство не дает ему покоя.

— Вы с Севера? — обращается он уже по-португальски.

— Да.

— Немец или швед?

— Ни то, ни другое... Русский.

— Русский?! Но не из Советской России?!

— Именно оттуда.

Официант, кажется, онемел от неожиданности. На столе лежит пачка «Краснопресненских». Предлагаю официанту сигарету. Он благодарит и сначала несмело, потом уверенно протягивает руку для пожатия. Через минуту подходит один посетитель, потом второй, третий... Однако, приближаясь, каждый с опаской поглядывает вокруг. И не зря: за окном кафе, в свете уличных фонарей проплывает фигура жандарма...

Вновь иду по темным улицам. В тяжелом летнем воздухе ощущается легкое свежее дыхание ветерка — первого предвестника утра.

Утро пришло вместе с нестерпимой жарой. Но лисабонец и в жару не поступится ни полным костюмом с непременно застегнутым пиджаком, ни тугим воротничком, ни плотно затянутым галстуком. Большинство людей на улицах Лисабона одеты так, что производят впечатление людей обеспеченных. Однажды мне открылась изнанка этого «благополучия».

На улице ко мне подошел плохо одетый молодой и на вид здоровый человек и попросил милостыню. Через секунду добавил:

— Помогите, сеньор! Я собираю на костюм.

Меня заинтересовало это добавление.

— Видите ли, — разъяснил нищий, — в Португалии вообще трудно найти работу, а человек, одетый плохо, совсем не найдет ее. Более того, если будете выходить в потрепанной одежде на работу, вы рискуете лишиться места. Так случилось со мной. У меня заболела жена. Чтобы поставить ее на ноги, я продал сначала нашу небогатую обстановку, а потом очередь дошла и до моего костюма. Неделю хозяин косился на меня (я работал продавцом), а потом уволил. Жену я все равно не спас, она умерла, а работы лишился. Дома двое голодных детишек. Живу случайными заработками и милостыней. Мои нищенские доходы идут прежде всего на питание, но я откладываю и на костюм. Обладая костюмом, я попытаюсь найти работу и спасти детишек от голодной смерти.

Глазами, полными отчаяния, он смотрит на меня:

— Может быть, сеньор разрешит донести чемодан?..

Так передо мной предстала, пожалуй, одна из самых существенных черт фашистской Португалии: глубочайшая пропасть между яркостью внешних сторон жизни и мраком существования простых людей. Каждый новый день пребывания в Португалии все более обнажал чудовищные размеры этой пропасти.

В любой, даже второклассной гостинице к вашим услугам помпезно изданные путеводители по Лисабону на английском, немецком, французском, итальянском языках. Красив Лисабон. Светлые здания, многочисленные памятники старины, нарядные витрины магазинов, пальмовые аллеи, обилие цветов, как бы входящая в город голубая лагуна, вобравшая в себя воды Атлантики и реки Тахо, пологие изумрудные горы, поднимающиеся к лазурному небу, дают португальской столице полное право называться одним из красивейших городов мира. Но сколько грустного, печального, тоскливого, жестокого, преступного кроется за этим привлекательным фасадом!..

...Шофер такси вопросительно поглядел на меня.

— Куда желаете, сеньор?

— Я иностранец, русский, из Советского Союза, и хотел бы посмотреть город.

— Сеньор, вы русский?! Но этого не может быть! Русские не бывают у нас!

— Однако это так!

— О сеньор! Пожалуйста, машина в вашем распоряжении!

Но не отъехав и ста метров, водитель тормозит машину. По всему видно, что его осенила какая-то мысль.

— Сеньор! Я хочу предложить вам небольшую сделку. Вы будете мне рассказывать о своей стране, а я за это буду возить вас. И сегодня, и завтра, и послезавтра — когда хотите...

Антонию Кастру оказался чудесным парнем. Любознательности его не было предела. Некоторые вещи (об условиях работы на наших заводах, о санаториях и домах отдыха, о бесплатной учебе в университетах и институтах) он заставлял повторять по два, а то и по три раза. Порой он сомневался в моих словах.

— Чересчур хорошо! — говорил Антониу в подобных случаях. — В Португалии это можно видеть лишь во сне.

В первый день нашего знаком-

ства я начал рассказывать о бесплатном медицинском обслуживании в СССР.

— У нас оно тоже бесплатное. Хотите посмотреть? — И, не дожидаясь моего ответа, повел машину на большой скорости в восточную часть города.

Через четверть часа перед нами возникло продолговатое двухэтажное здание с прилегающим мощеным двором. Прямо на раскаленных камнях лежали и сидели десятки людей; некоторые из них стонали, некоторые тряслись в ознобе, некоторые молчали, сомкнув глаза.

— Они ждут очереди к врачу, иногда по нескольку дней.

— Но почему не в помещении?

— Там тоже полно.

Во двор въехал грузовик. Из него вышли двое санитаров. Они стали ходить по двору, приглядываясь к больным. Мальчик лет двенадцати лежит лицом к небу. Санитары тщетно пытаются растормошить его. Мальчик мертв. Тогда санитары берут его за руки и за ноги, раскачивают и бросают в кузов грузовика. За трупом мальчика последовали тела двух мужчин.

— Эти не дождались бесплатной медицинской помощи... — Лицо Антонну полно сострадания и гнева. — А теперь, сеньор, если хотите, мы подъедем к тому месту, куда, умирая, посылали свои проклятия эти бедняки, куда летят проклятия со всех сторон Португалии.

Мы едем кривыми улочками, и вдруг из-за поворота перед нами возникает высокая каменная стена, а за ней густая поросль деревьев, за которой трудно что-либо разглядеть. Вдоль стены и поодаль от нее прохаживаются жандармы и однообразно одетые штатские.

— Смотрите, сеньор, на ходу: здесь лучше не останавливаться...

Я успеваю заметить, что стена образует большой четырехугольник. Внутри него два здания.

— Одно здание, — скороговоркой поясняет Антонну, — парламент, другое — резиденция Салазара.

У редкого португальца не вызывает чувства ненависти это имя, олицетворяющее одну из самых бесчеловечных форм угнетения, которая существует на нашей планете. Бывший монах, Салазар, подобно Гитлеру в Германии, был приведен к власти архиреакционными кругами, страшащимися революционного движения масс. Диктатура Салазара лишь в деталях отличается от печальной памяти диктатур Муссолини и Гитлера. Установленный в Португалии «корпоративный строй» основан на самой беспощадной эксплуатации народных масс. Широкий репрессивный аппарат жестоко подавляет малейшее проявление недовольства. Про Салазара говорят, что он человеконенавистник по натуре. Он не выносит смеха, не любит детей. Он не признает ни кино, ни оперы, ни балета. Католическая обедня — источник удовлетворения эстетических потребностей Салазара. Впрочем, если верить упорным слухам, Салазар иногда находит отдохновение от «государственных забот», лично истязая политических заключенных. Не удивительно, что грязно-серая жандармская форма и черная сутана — неотъемлемая и, пожалуй, самая типичная деталь жизни каждого португальского города.

Тридцать лет кровавый изувер держит власть в своих руках, опираясь на духовенство, армию и жандармерию, крупную земельную аристократию, крупных капиталистов, связанных с иностранными монополиями. Но даже в этих слоях возникает оппозиция единовластию Салазара.

...Трудно даже представить все разнообразие человеческих поступков, которые могут служить поводом к знакомству и дружбе.

Разглядывая развалины одной древней крепости, я вынул сигарету, и это не вызвало никаких событий. Но едва из кармана были извлечены спички (наши, советские), как меня буквально атаковал высокий и смуглый мужчина лет сорока. Он оказался коллекционером спичечных коробков. Коробка я лишился немедленно, зато в лице Жоакима Перейры, инженера крупной текстильной фабрики, я приобрел еще одного доброго знакомого.

Рассказы Перейры помогли мне еще полнее представить отвратительные черты салазаристского режима. Поскольку Жоаким повседневно общается с рабочими, я спросил его об их жизненном уровне.

— Жизненный уровень рабочего? — усмехнулся мой собеседник. — Послушай лучше о жизненном уровне инженера. Я зарабатываю три тысячи эскудо в месяц. Это немало. Это в три-четыре раза больше заработка среднего рабочего. За мою квартиру из двух комнат я плачу тысячу двести эскудо. Зимой, когда температура бывает ниже нуля, мы буквально замерзаем. Но отопление при моем заработке — это непозволительная роскошь. Далее, двести эскудо — это мой «добровольный» ежемесячный взнос в фонд салазаристской партии. Я не член партии, но попробуй я не сделать этого «добровольного» взноса! И, наконец, еще сто эскудо — взносы на «бесплатное» социальное страхование и на «бесплатное» медицинское обслуживание. (Перед моими глазами вновь встала страшная картина, показанная мне Антонну Кастру.)

— Итак, — продолжал Жоаким, — на питание и на одежду мне, жене, дочери и сыну остается полторы тысячи в месяц, или пятьдесят эскудо в день. А теперь скажите, что вы ели вчера на ужин?

— Бифштекс и простоквашу...

— И во что это обошлось?

— Тридцать два эскудо...

Город Порто (или Опорто) имеет за плечами славную историю. Долгое время, вплоть до 1174 года, он оставался столицей Португалии и одним из опорных пунктов борьбы португальцев и испанцев за освобождение Пиренейского полуострова от арабского господства. Древнее название города дало наименование всей стране. «Портвейн», между прочим, означает не что иное, как «вино Порто». Только здесь, восточнее самого города, в небольшой зоне произрастают неповторимые сорта винограда, позволяющие производить неповторимые вина. Портвейн других стран и других континентов лишь подражание португальскому оригиналу. Порто широко известен также своими красочными празднествами в честь святого Жоао. Когда-то это был языческий праздник, связанный с окончанием сельскохозяйственных работ.

То, что я увидел в Порто, можно, пожалуй, назвать формальным, показным соблюдением традиции. Плечом к плечу стоят длинные ряды полицейских. Между ними узкая полоска для праздничного шествия. Участники шествия танцуют народный танец фадо, поют о радости и здоровье. Но у танцоров и певцов бледные, неулыбающиеся лица, усталые глаза. Столь же безрадостно выглядят и относительно немногочисленные горожане, пришедшие посмотреть на шествие.

...А на следующий день газеты писали о «радостном» празднике «счастливого» народа, который «благоденствует» под сенью «корпоративного» государства.

Короткое пребывание в Порто пополнило мое представление о характере «народного благоденствия» в Португалии.

Один молодой врач рассказал мне о случае, происшедшем недавно с его женой Анной. Еще в день свадьбы богатые родители Анны подарили молодой чете малолитражный автомобиль. Два года назад в семье появился ребенок, и ко второй годовщине рождения сына Анна решила поискать ему какую-нибудь забавную игрушку. Муж не смог сопровождать ее, но Анна и сама прекрасно чувствует себя за рулем. На улице полицейский свистком остановил машину.

— Вы неправильно сделали поворот. Штраф четыреста эскудо.

— Но, сеньор, я повернула совершенно правильно. И потом, почему такой большой штраф?

— Что?! Вы критикуете действие властей и оказываете им сопротивление?!

Через минуту Анна сидела в полицейском участке. Суд был скор.

— За сопротивление властям шесть суток тюремного заключения в камере для воровок и проституток. Вот так, сеньора...

В темной, зловонной камере Анна провела сутки. Затем из полиции позвонили ее мужу, который не знал, что и думать.

— Ваша жена находится в тюрьме за сопротивление властям. Ей остается еще пять суток. Впрочем, вы можете сократить срок ее страданий, соответственно заплатив за каждый день по четыреста эскудо...

Лишь после того, как полицейские получили две тысячи эскудо, Анна вернулась к семье.

Много событий, большей частью печальных или жестоких, прошли перед глазами за время пребывания в Португалии. С каждым днем они усиливали сострадание к португальскому народу. Но то, что произошло за два дня до отъезда, вызвало иные чувства.

Как обычно, я спустился утром в холл гостиницы, чтобы познакомиться со свежим выпуском газет, неизменно лежащих на столике. Но что это? На второй странице фашистского органа наклеена небольшая розовая бумажка с каким-то текстом. Я читаю: «Соотечественники! Нельзя дальше терпеть гнет ненавистной салазаристской тирании...» Воззвание было предназначено явно не для меня. Я встал из-за столика. К вечеру я снова заглянул в эту газету. В течение дня она наверняка побывала в десятках рук. Кусочек розовой бумаги оставался на месте...

БЕЗ ПРАВА ВЫЕЗДА

Британское министерство внутренних дел, проявляя заботу о досуге заключенных, сидящих в тюрьмах королевства, приняло специальное распоряжение. Отныне арестанты имеют право принимать участие в лотереях. Исключение составляют лишь такие лотереи, по которым можно выиграть билет на поездку куда-либо. Право путешествовать за ворота тюрьмы новым распоряжением не предоставляется.

«ЭЛЕКТРОННЫЕ» ЖЕНИХИ

Японская фирма Хитаки внесла недавно решающий вклад в технику бракосочетания: создано «электронное свадебное бюро». Теперь уже нет необходимости влюбляться, вздыхать, страдать. Желающие вступить в брак должны заполнить анкету и перечислить в ней пятнадцать качеств, которые они хотели бы видеть у своего избранника или избранницы. Анкета опускается в машину — и через две минуты жених или невеста подобраны (если, разумеется, в картотеке имеется подходящий тип). До сих пор машина работала безотказно. И лишь для одной из японских кинозвезд не нашлось «электронного» жениха. Должно быть, ее запросы оказались слишком высокими.

НАДЕЖНАЯ ГАЗЕТА

Недавно редактору английской газеты «Обсервер» пришло письмо от регулярной читательницы ее некоей миссис Глэдис Чэббер. Миссис Чэббер, расхваливая качество газеты, пишет: «Когда я стираю джемперы и кофточки, я заворачиваю их в полотенце и кладу между газетных листов под матрац. Газета впитывает влагу, и кофточки, когда они высохнут, не нуждаются в глажении и выглядят как новые. По очевидным причинам для этого нужна газета высокого качества... Когда я использовала менее надежную газету, результаты получались ужасающие».

Никаких других комментариев по поводу качества газеты, очевидно, не требуется.

САМОЕ ЛУЧШЕЕ ЛЕКАРСТВО

Американский психолог д-р Чарльз Цвингман, как сообщает западногерманский журнал «Кристалл», открыл во Франкфурте-на-Майне клинику, пациентами которой являются находящиеся в ФРГ солдаты армии США, страдающие тоской по родине.

Не лучше ли было бы ликвидировать сам источник болезни, вернув в Соединенные Штаты всех солдат, разбросанных по чужим территориям?

Ольга Карловна Калвиш с сыном Стасиком.

Фото А. Субханкулова.

Л. ЛЕСНАЯ

Сквозь смерть, сквозь время

В районе Старой Руссы шли жестокие бои.

Сольцы пятнадцать раз переходили из рук в руки. Собственно говоря, от Сольцов осталось только пепелище, занесенное снегом. Кое-где из сугробов сиротливо торчали черные печные трубы...

Рассыпчатый снег лезет в рот, забирается в рукава, за шиворот, в валенки. Колючий ветер, завывая, пронизывает до костей. Но старшина медицинской службы Ольга Мушинь упрямо ползет и тащит за собой «лодочку» с раненым.

— Брось меня, слышь? Не жилец я.

— Ладно, потерпи! Уже близко! — И, вжимаясь в снег, Ольга ползет еще быстрее.

Вот и землянка. В лицо ударил острый запах махорки, талого снега и лекарств... Чьи-то руки подхватили раненого и втащили в землянку.

— Ольга, да на тебе лица нет! А ну, ребята, освободите место!

Бойцов с топчана как ветром сдуло.

Ольга легла.

— Сто двадцать седьмого привезла! Откуда у нее только силы берутся!

— Пусть поспит!

Но Ольга не могла спать. Там, в завьюженном поле, остался еще один. И снова сугробы, вьюга, посвист пуль... Вот и раненый, наполовину занесенный метелью. Ольга ловко уложила его в «лодку» и поползла обратно.

Вдруг огненный шквал обрушился на нее. Нестерпимая боль подхватила, заставила выпрямиться во весь рост и снова бросила навзничь...

Луна стояла уже высоко, когда Ольга очнулась. Она открыла глаза и увидела себя в яме, которую несколько дней тому назад бойцы вырыли для погибших. Чья-то застывшая, обледенелая шинель мешала ей дышать. Ольга хотела приподняться, но не смогла. Что-то теплое медленно поползло в валенок.

Собрав последние силы, она подтянулась на руках к краю ямы и... замерла. По вытоптанной в глубоком снегу тропинке размеренно шагал немецкий часовой.

Ольге показалось, что у нее под кубанкой вздыбились волосы. Она зубами расстегнула кобуру: «Живой не возьмут!»

...Светало. Огромная рыжая луна стала голубой и прозрачной.

За ночь бойцы прогнали врага далеко за Сольцы.

Так, с пистолетом в руке, и нашли ее солдаты на краю ямы и принесли в санроту. Правая нога была перебита в нескольких местах. Пришлось ампутировать. А когда девушку привезли в медсанбат, врач, едва взглянув на распухшие, страшные руки Ольги, вновь положил ее на операционный стол и ампутировал обмороженные кисти рук и стопу на левой ноге.

Очнувшись, Ольга все поняла, но не закричала, не заплакала, не произнесла ни слова. Она молчала, упорно не отвечая на вопросы, и отказывалась принимать пищу.

Когда весть о случившемся дошла до ее роты, к Ольге пришел парторг.

Девушка неподвижно лежала, тупо уставив глаза в потолок.

— Мы прорвали фронт, Оля! — сказал он, садясь к ней совсем близко. — Победа! Ты слышишь?

Ольга молчала. Парторг хотел было уйти, но потом подумал и достал из кармана маленький треугольник письма.

— От Павла. Прочесть?

— Нет, — ответила Ольга. — Кончено. Никому я не нужна теперь!

— Нужна... — начал было парторг.

— Не надо! — устало и спокойно оборвала его Ольга. — А Павлу напиши, что я... что меня больше нет. И оставьте меня... Оставьте!

Но ее не оставили. В каких только госпиталях не лежала она! В Ярославле, в Иркутске... Всюду находили ее письма со штампом «воинское». А тот, последний, спасенный ею, прислал ей вышитый рушник, которым провожала его мать на войну, добрый шматок украинского сала толщиной в ладонь и письмо.

«Дорогая Ольга! Слыхал я, что вражины лихо тебя покалечили. И лежишь ты сейчас без рук, без ног. Может, через меня и попала ты под пули. Вот выпишусь и прийду за тобой. Пийдем мы к маты до дому. Я ей про тебя усе прописал и вона пишеть: вези Олю до нашей хаты. Буду я ее, як ридну дочку, кохать».

Вот с того самого дня, как получила Ольга это письмо, и начало понемногу оттаивать девичье сердце.

Ольга узнала, что такое настоящая солдатская дружба.

Да и не только солдатская. Слух о ней разлетелся по всей Сибири. Незнакомые, чужие люди писали письма, в приемные дни не было отбоя от навещавших ее. Под окнами вечно сновали пионеры и ссорились за очередь — кому возить ее в коляске по саду.

А скоро приехал за Ольгой в Иркутск старичок с двумя орденами Ленина. Поручили ему в ЦК КП Латвии привезти ее в Москву.

И вот Ольга в Москве, в Институте протезирования. Профессор сделал ей сложнейшую операцию: расчленил на правой руке лучевую и плечевую кости, покрыл их мягкой тканью и зашил.

— Как только снимем швы, начинайте тренироваться. В дальнейшем все зависит от вашего упорства и воли.

Чего-чего, а упорства и воли Ольге не занимать. Ежедневной гимнастикой и тренировкой девушка очень скоро так «наладила» правую руку, что начала заново учиться писать. И первое слово, которое она написала, было «Павел»...

Рабочие протезного завода, узнав историю Ольги, с особой тщательностью делали протезы для девушки. И она пошла. Пошла не сразу, а после долгой, упорной борьбы за каждое движение, за каждый шаг. И через четыре месяца она уже без посторонней помощи шагала по бесконечно длинным коридорам протезного института. А еще через два месяца Ольга уехала в Ригу, на родину отца, латышского стрелка Карла Мушиня, отдавшего в гражданскую войну жизнь за счастье своего народа.

* * *

Павел Калвиш никак не мог понять, почему возвращаются обратно его письма к Ольге. Письма, в которых писал он о самом главном, о чем так и не посмел сказать ей тогда, в дни боев.

«Наверное, перебросили ее в другое место. А может...» Тревога росла. И вот, когда Павел хотел отправить запрос в штаб, пришла весть: Ольга погибла под Сольцами.

Что делать солдату? Драться надо, за все: за жизнь, за светлую память Ольги...

А когда кончилась война, вскинул солдат вещевой мешок на плечо — и домой. Пришел Павел в родную деревню — ни кола, ни двора. Фашисты спалили хату, а отчима да мать с ребятишками угнали неизвестно куда.

Посидел солдат на пепелище, выпил с горя чарку и отправился куда глаза глядят.

В Ригу пришел он ночью. Решил до света на вокзале сидеть.

А утром случайно встретил на улице Ольгу.

Схватив девушку в охапку, принялся целовать ее в нос, в губы, в глаза, полные слез. А она бьется, отстраняет его, отталкивает. Павел сперва ничего не понял, но вдруг увидел — руки!..

— Смотри, Павел, — сказала Ольга. — Видишь? Ну как?

Павел отступил. Стоял молча. Ольге стало страшно. Но вот он опять подошел к ней, обнял, и они долго стояли молча...

Я увидела их через пятнадцать лет после этой встречи. Увидела семью Калвиш. Вот они передо мной, Павел и Ольга, а рядом с ними Нина и Стасик — их дети. Семья! И семья счастливая, дружная.

Научилась Ольга и чулки штопать, и белье стирать, и тесто месить. Ребят она приучила к труду и дисциплине. В квартире, когда ни зайдешь, чистота и порядок.

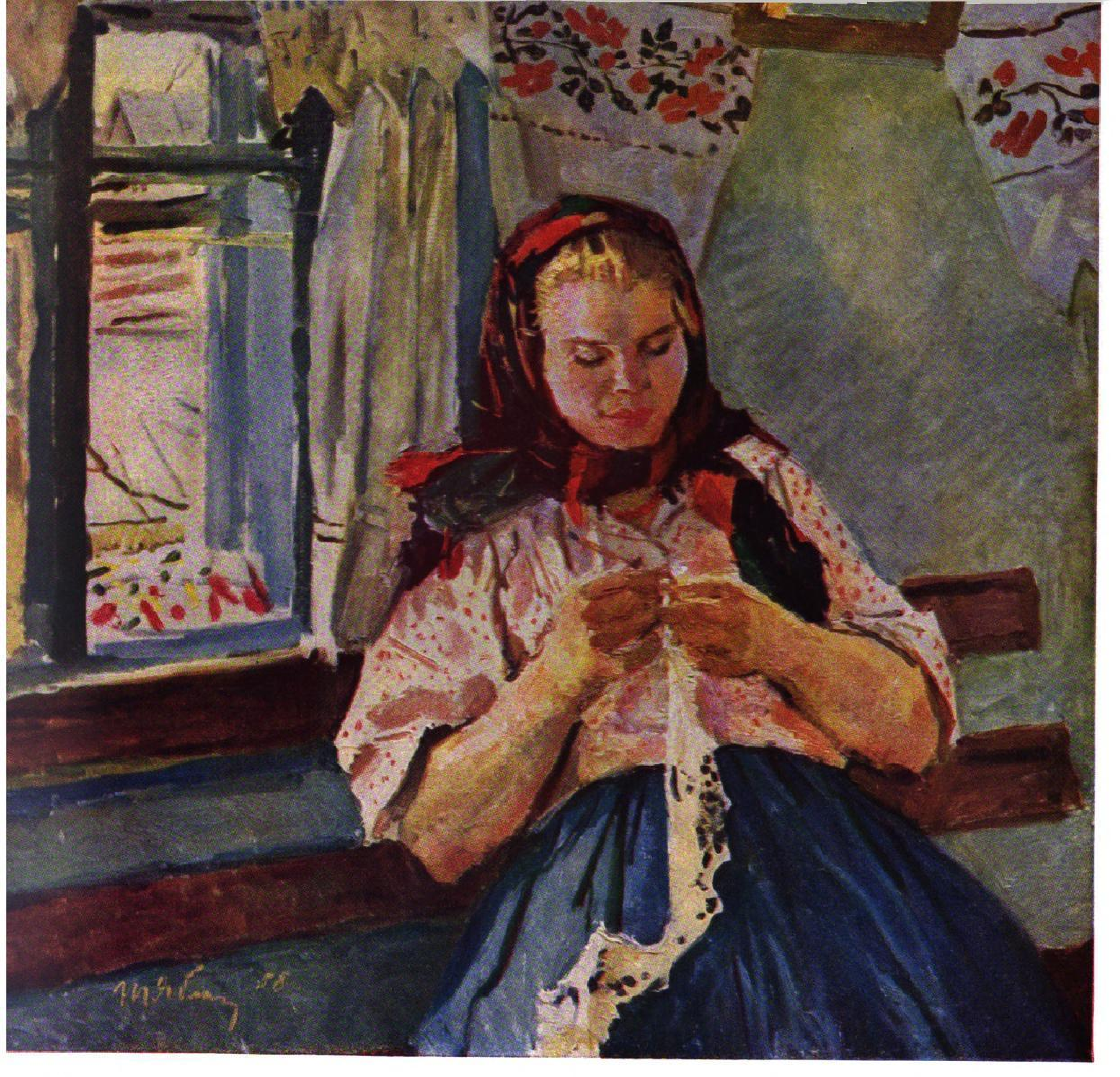
— Дети — мои руки. Во всем мне помогают. Наперегонки! — смеется Ольга Карловна, с гордостью посматривая на ребят.

После войны разбрелись бойцы Латышской дивизии в разные стороны. И разнесли они боевую славу Ольги по всему свету.

Часто почтальон приносит Ольге Карловне письма. Не забывают ее друзья-однополчане. Пишут и совсем незнакомые люди.

Т. Яблонская. ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ.

Т. Яблонская. ЗА ВЯЗАНИЕМ.

Наталья Рамáяна

Н. ТОЛЧЕНОВА

Какие бывают индологи?.. Об этом я думала, разыскивая в Новых Черемушках квартиру научного сотрудника Института этнографии Академии наук СССР Натальи Романовны Гусевой, пока нашла наконец в необъятном доме нужный мне подъезд.

На мой звонок выбежала невысокая, мальчишески стройная, коротко стриженная женщина. В слабо освещенной передней я приняла ее за девушку-подростка. Блестя черными, очень живыми глазами, она широким жестом распахнула дверь, быстро проговорила с веселым отчаянием:

— Входите! Раздевайтесь! Простите, у меня баранина подгорит...

И скрылась.

Что правда, то правда: ужин, который Наталья Романовна готовила к приходу мужа и дочери, видимо, несколько пережарился. Догадаться об этом было нетрудно. Из кухни доносились то смешливые, то огорченные возгласы хозяйки дома. Потом она вышла ко мне, одновременно улыбаясь и вытирая слезы.

— Дым! Да еще лук! — объяснила она энергично.— Бусы, зубы, глаза — все у нее так и сверкало.

Мы вместе устроили основательный сквозняк, чтобы квартира хорошенько проветрилась. О санскрите я на какое-то время забыла. Вспомнив же, сказала Гусевой: «Вы, наверное, совсем молодой индолог» — почти без вопросительной интонации.

— Двадцать лет,— не без юмора, словно мимоходом ответила Наталья Романовна и звонко расхохоталась в ответ на мое нескрываемое удивление.

В начале нынешнего года в Центральном детском театре пошел новый спектакль «Рамàяна».

Обращаясь к автору этой пьесы, многие ласково говорят: «Наталья Рамàяна» — и русские и индийцы. Так благодарно и уважительно «перекрестили» в театре Гусеву.

В ее давних детских мечтах об Индии — таинственной, как чудо, сказочно прекрасной стране,— может быть, и не было еще ничего необыкновенного. Каждый или почти каждый ребенок начинает грезить о недосягаемом, когда видит на обложке любимой книги гордых, большеглазых и смуглокожих людей, пальмы, раскинувшиеся веером, удивительное темно-синее небо... Потом человек взрослеет. Приходят другие мечты.

Но девочка хранила свое заветное где-то в самом укромном уголке души. Она, видно, не расставалась с мечтой, когда бегала в фабзавуч, когда стала работницей, а потом уже и техником на «Красном треугольнике». Ибо едва лишь узнала, что в Ленинградском университете открылся восточный факультет, как решила в тот же самый момент: «Поступаю немедленно! По отделению древней Индии»...

Санскрит в университете изучала совсем крохотная группа, которую все именовали «Трое мальчиков и я».

Гусева и «трое мальчиков» имели столь же самоотверженный, сколь дерзновенный характер. Это помогало им в их настойчивом стремлении найти доступ к самому сердцу народа, проникнуть в сокровищницу его мудрости и поэзии... Под туманными иногда — то фантастическими, то религиозными — наслоениями веков обнаруживался в изумительных произведениях индийского эпоса — «Рамаяне» и «Махабхарате» — нынешний облик Индии, выносливой и несгибаемой.

Из двадцати четырех тысяч двустиший состоит «Рамаяна» — грандиозная эпическая поэма. Сложенная много веков назад, она утверждала глубокое благородство народных идеалов. И чем дальше в глубь истории уходили образы легендарных героев — Рамы и возлюбленной супруги его Ситы,— тем проще, доступнее, понятнее становились они, тем меньше оставалось в них неземного и мифического. Восхищенной и взволнованной студентке казалось, что она видит их вполне земными, человечными. Она думала о персонажах «Рамаяны» как о живых людях, мужественных, верных долгу чести...

В 1940 году Н. Р. Гусева окончила университет, и тогда же были сделаны первые наброски будущей пьесы.

Сказка на сцене всегда волнует. Ее аллегории и символы обретают живую плоть и кровь. Волшебство, творящееся на ваших глазах, становится не то чтобы реальным, но осязаемым, зримым и от этого еще более впечатляющим.

Вспомним любимую всеми нами старую «Синюю птицу». Поколение за поколением училось на ней распознавать высокий нравственный смысл добра, справедливости...

Гуманизм пьесы «Рамаяна», как ни странно это прозвучит по отношению к древнему ее источнику, открыто современен. Он обращен к зрителю самой высокой нравственной стороной, но зовет не к беспредметному добру, не к абстрактной справедливости, а требует настойчиво и страстно: борись со злом, уничтожай зло на земле, умей заступиться за того, кому зло причинило боль и обиду!

Говорят: всякому времени свои песни. Добавим: и свои сказки. Нашему времени песни и сказки «Рамаяны» отвечают не только своей духовной чистотой и прелестью. В них очаровывает еще и наступательная, деятельная, могучая сила добра, помогающая жить и человеку и целому народу...

Первый раз я смотрела «Рамаяну» вместе с младшим сынишкой. Вокруг чинно сидели ребята из восьмых и девятых классов. До начала спектакля моему пятикласснику поневоле приходилось высказывать необходимую степенность. Но едва раздвинулся занавес, как все мы — и взрослые и дети — перестали замечать окружающее.

Вот оно, удивительное темно-синее небо Кошалы, вот они, гордые, смуглокожие люди далекой Индии... Да, они пришли из сказки. И автор пьесы и ее постановщик Валентин Сергеевич Колесаев бережно сохранили красоту народного вымысла, ту красоту легенды, которая высоко вздымает отважные человеческие деяния над всем обычным, будничным... И сколько же в этих деяниях жизненной правды, доступной и близкой всем сердцам, правды простой и неопровержимой, светло и празднично торжествующей победу.

— Сатьям эва джаятэ! — восклицают герои. (Правда всегда побеждает!..)

И хотя слов таких нет в поэме — Гусева взяла их из девиза герба Республики Индии,— именно в них суть пьесы.

Как только мы вышли из театра, сын сразу же начал просить: «Давай посмотрим хоть еще один разок!» Теперь я всячески стараюсь держать от него в секрете, что с тех пор уже не «один разок» была на «Рамаяне». Недавно после спектакля подробно беседовала о пьесе и спектакле с Евдокией Дмитриевной Турчаниновой. Незадолго до своего дня рождения (в марте Евдокии Дмитриевне исполняется 91 год) она специально посетила Центральный детский театр, чтобы посмотреть «Рамаяну».

Сита — М. Куприянова и Рама — Г. Печников.

Фото А. Гладштейна.

— Это настоящий подарок зрителям,— сказала актриса искренне.— Мне будто самой подарок сделали: душой помолодела! Как это они там говорят?.. Вот, вот: «Сатьям эва джаятэ». Я и сама всегда так думала.

В Индии «Рамаяну» знают все. Ее играют в осенние дни праздника Рамлилы семь суток подряд, не исключая ни одного эпизода. Стихи из «Рамаяны» поют во всех дворах, на всех улицах. Первые слова индийских детей — это «Рама» и «Сита». Огромную фигуру злобного Равана — олицетворение зла и несправедливости — сжигают на площади под радостные крики народа...

Сами индийцы приняли деятельное участие в рождении московской «Рамаяны». Без этой помощи, может быть, и не была бы полностью донесена театром до зрителя вся прелесть трогательной истории любящих сердец Рамы и Ситы, вся тягость испытаний в борьбе с Раваном и его кровожадными слугами — ракшасами.

В те долгие дни, пока репетировалась пьеса Гусевой, посол Индии г-н Менон и его супруга оставались неустанными советчиками и консультантами актеров, режиссера В. Колесаева, художника Б. Кноблока.

У г-жи Менон зоркий взгляд, руки, не знающие устали. Она учила артистов говорить и ходить, носить костюмы и украшения, делать приветственный жест — намасте: исполненное благородства и достоинства, чуть замедленное изящное движение сложенных ладоней вверх, к лицу...

Вот откуда у Маргариты Куприяновой, которую москвичи, пожалуй, больше всего любят и знают задиристым, лихим мальчишкой из «Сомбреро», такая царственная осанка, такие глубокие интонации голоса в роли Ситы. Вот почему так скульптурны и пластичны Рама—Геннадий Печников и Лакшман — Роберт Чумак. Вот кто придал окончательный блеск мрачному великолепию Ивана Воронова в роли Равана...

Еще и еще один спектакль... Все труднее становится попасть на него: в наши дни хорошая слава летит быстро.

Г-жа Менон и Н. Р. Гусева.

Иосиф ДИК

Страшная казнь

На совете отряда мы долго ломали голову: а чем бы нам таким заняться, чтобы всем было интересно?

И тут Колька Кочергин сказал, что надо бы нам походить по квартирам и подсобрать разные аптечные банки и склянки. Они у людей без дела валяются, а для аптеки это клад!

Ну, что ж, мы решили: раз банки, так банки, и пошли с авоськами по квартирам.

Насобирали мы целую гору пузырьков, флаконов, бутылочек и понесли их сдавать.

— О-о, молодцы! — радостно сказал нам директор аптеки.— Мы вам сейчас деньги заплатим!

— Нет,— сказали мы.— Нам денег не надо! Мы бесплатно вам помогаем!

И вдруг мы узнали следующее: пока мы разговаривали с директором, Мишка Огурцов сдал без нашего ведома боржомную бутылку, а двенадцать копеек себе в карман положил.

И тут мы устроили ему такую взбучку, что он прямо захотел купить валерьянки.

Но все-таки он купил себе на улице мороженое и всю дорогу упрашивал нас или куснуть его или лизнуть по очереди.

Но никто из нас не куснул и не лизнул.

И это для Мишки была самая страшная казнь.

Ребята, наших бьют!

В нашем доме живет очень много ребят, и мы организовали пионерский патруль. Сшили красные повязочки и стали прикреплять на рукава дежурным.

Теперь мы сами следим за порядком во дворе и около пинг-понгового стола.

Однажды к нам пришел Толька Котлеткин с соседнего двора, вынул из кармана папироску, закурил и сказал:

— Ну-с, граждане шпингалеты, кто со мной будет сражаться?

И он отнял у Маринки пинг-понговую ракетку.

Тут Мотя Сидоров выступил вперед и сказал:

— А мы с тобой не желаем сражаться, и пионерский патруль тебе предлагает добровольно покинуть наш двор!

— Что-о? Пионерский патруль? — сказал, засмеявшись, Толька Котлеткин.— А ну-ка, дай мне свой руль! — И он схватил Мотю за нос и потянул его вниз.

Тогда Мотя крикнул:

— Ребята, наших бьют!

И мы все набросились на Тольку. Повалили его на землю, связали руки и ноги, а потом вытащили из кармана папиросы и растоптали их.

В конце концов мы Тольку отнесли к нему во двор и аккуратненько положили на песок. Пусть позагорает на солнышке и подумает о своем поведении.

С тех пор он к нам во двор больше не ходит.

СИНИЙ, КРАСНЫЙ, ГОЛУБОЙ—ВЫБИРАЙ СЕБЕ ЛЮБОЙ

Г. ЦЫФЕРОВ

Телёнок

Каждый знает, какой бывает ветер:
Ветер бывает сильный — он клонит деревья.
Ветер бывает слабый — он чуть колышет рожь.

Но глупый теленок не знал и не понимал этого. Он думал по-своему, по-телячьи. Если ветер пахнет травой, это зеленый ветер.

Если ветер пахнет ромашкой, это желтый ветер.

Если ветер пахнет васильками, это голубой ветер.

И ветер, который ничем не пахнет, это просто ветер, фью-фью...

Синица

У синего моря в домике синем синяя птица-синица жила. Было у птицы, было у синицы семеро синих красивых детей. Встанут утром птички, встанут утром синички, крошек поклюют, кашки поедят, а потом сядут рисовать. Нарисуют синюю коровку, нарисуют синюю собачку, нарисуют синих лягушат. Синих лягушат с зелеными глазами. Нарисуют синих поросят, синих поросят с красными ушами. Ну и птички, ну и синички! Что сказать? Может, смешные, а может быть, и просто глупые.

Камышинки

Звал игрушечный лягушонок плюшевого мишку к реке:

— Пошли, косолапый, погуляем.

— А зачем?— заворчал тот.— Ты резиновый, плавать будешь, а я что?

— А ты с камышовыми шишечками играть. Они ведь тоже плюшевые.

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА

Валентин БЕРЕСТОВ

Дружно
Ударились
Рыбы
Об лед —
И на реке
Начался
Ледоход!

Егор ПОЛЯНСКИЙ

С бодрым утром!

За сосновым древним
бором —
не поверите глазам —
вырастает новый город
не по дням,
а по часам.
Из Уфы и Ленинграда,
из Баку и Сталинграда
мы приехали сюда,
потому что здесь, ребята,
под землей лежит руда.
Это значит — много стали,
тракторов, турбин, станков.
Мы уже считать не стали,
сколько перьев и коньков!
К нам в окно стучатся ветки,
им сегодня не до сна:
отстает от семилетки
запоздалая весна.
За окном сияет утро,
в лужах тает снег, как воск...
Мы включаем репродуктор:
— С добрым утром!
С бодрым утром! —
Говорит Железногорск.

Рисунки Л. СМЕХОВА.

Салават

Я, ребята, Салават.
У меня
на стройке
брат.
Он приклеил лист к фанере,
начертил на нем карьер.
Брат Ахмат — на том карьере
инженер.
Там, в карьере, пыль и чад,
экскаваторы рычат,
сто машин — за рядом ряд,—
по бетонному настилу
шумно шины шелестят.
Он идет, Ахмат плечистый,
словно улицей села...
Улыбнется
машинистам,
трактористам,
дизелистам:
— Как дела?
Где,
какие неполадки?
Все ль в достатке?
Все ль в порядке?
— Вам запчасти?
Это можно.
— Вам домкраты?
Так и знал.
— Там работать осторожно,
а не то грозит обвал!
Он в карьере ежедневно,
не пропустит ничего...
И за то, что он душевный,
уважают все его.

Пеший леший

Д. ШАШУРИН

Когда в лесу трещат сучки, это ходит по лесу пеший леший. Он маленький, а ножки у него тяжелые. А сучки в лесу сухие. Как наступит, так — «трык!». Пеший леший сразу вздрогнет от испуга и идет дальше на цыпочках. Обходит каждую травинку, подлезает под каждый листик. Около каждого сухого сучка ставит грибок с красной шляпкой, чтобы не наступить на сучок в другой раз. Расставит грибы и ходит смело.

А белки нарочно сухие сучки сбрасывают с елок и грибы с красными шляпками собирают и прячут. И опять «трык!» на весь лес.

Пеший леший маленький, а ножки у него тяжелые. И дел много: следить, чтобы лягушата не дрались, чтоб заячья капуста быстрей росла, чтобы не ленилась краснеть земляника, да у бересклета посчитать бородавки, посмотреть, всем ли росинкам достается солнышка, не подавилась ли гусеница листиком, смотать у паука паутину, расчесать папоротник, прикинуть, сколько проползли улитки, надушить ландыш, позвонить в колокольчики.

А тут сучок — «трык!».

Все белки стараются помешать пешему лешему. Только он хитрый. Он и белок заставляет себе помогать.

Сядет под елочку, нарочно на виду у белок. Свернет из снытяного листочка козью ножку, закурит ольховой махорки.

Белки озорные: кидают в него чешуйки от шишек, иголки елочные сыплют на него. Большую накидают кучу!

А пеший леший рад. Вылезет из-под кучи и любуется: очень хороший получился муравейник!

Только белкам невдомек, что они полезное дело сделали.

Они, белки, не знают даже, почему лес шумит. Они думают, что это тоже пеший леший.

А это ветер!

Рисунки Г. КОВАНОВА.

ПОЭМА ОБ ИППОДРОМЕ

Л. ХОСРОЕВ

Из записок старого наездника

Если бы за сочинение художественных небылиц присваивали какие-нибудь категории и звания, подобно тому как они присваиваются шахматистам за шахматные партии, то, вне всяких сомнений, Арсюшка Макасеев был бы гроссмейстером. Но он родился под несчастливой звездой. Его искусство ничего не давало ему, кроме неприятностей.

Однако позвольте прежде всего познакомить вас с ним. Арсюшка — человек высокого роста, худой, но румяный, с веселым, даже задорным выражением лица, остроносый, с маленькими светлыми усиками. Он довольно миловиден, а цвету его лица могла бы позавидовать девушка. Если ко всему этому, а особенно к его способности рассказывать разные смешные истории добавить, что он был со всеми ласков и приветлив, на людей поглядывал добродушно, выслушивал внимательно все, что ему говорили, не пил, не курил, не грустил и не ругался, то нетрудно догадаться, что он пользовался головокружительным успехом у женщин.

По специальности он был конюх. Работал на призовой рысистой конюшне на Ленинградском ипподроме и, как всякий конюх призовой конюшни, очень любил свою специальность. Сам он говорил, что не променяет свою работу даже на должность церемониймейстера Букингемского дворца. Пожалуй, это был один из тех редких случаев, когда Арсюшка не врал.

Одет он был бедно — обстоятельство, тоже вызывающее в женском сердце сочувственные эмоции. Голову его украшала какая-то рваная фуражка, не то дворянская, не то студенческая, нашедшая себе последний приют на Арсюшкиной голове в бурные дни Октябрьской революции. Из-под этой фуражки выбивалась прядь золотистых шелковистых волос. Само собою разумеется, что до революции Арсентию Макасееву едва ли удалось бы в своем костюме попасть на балетную премьеру в Мариинский театр, но после революции он чувствовал себя великолепно и духом не падал.

Среди конюхов и наездников Арсюшка пользовался шумной известностью как неподражаемый рассказчик разных историй из прошлой и настоящей жизни Ленинградского ипподрома и, кроме того, как сочинитель стихов. Мы хохотали до упаду, когда Арсюшка представлял посетителей ипподрома, игроков в тотализатор, как они ведут себя на трибунах в то время, когда на дорожке разгорается борьба за первый приз.

Он зажимал в руке старые билеты, напряженно вглядывался в призовую дорожку, будто следя за воображаемым бегом лошадей, вздрагивал, волновался, успокаивался, нервничал, радовался или огорчался, вдруг вскрикивал, будто сбился его фаворит.

Он произносил монологи, изображал целые сцены с участием нескольких действующих лиц, играл, как заправский актер-трансформатор.

Все свои импровизации он исполнял легко, просто, весело и без претензий. Сам он очень скромно расценивал свои выступления, а когда я однажды всерьез сказал ему, что это талантливо и надо подумать, нельзя ли его сцены-монологи вынести на эстраду, Арсюшка посмотрел на меня недоверчиво и лукаво, вероятно, решив, что я смеюсь над ним.

Но это было талантливо. Это было настолько остроумно и тонко, что я просто не в силах передать, тем более что большинство из его рассказов улетучилось из памяти — ведь с того времени прошло почти сорок лет, а записать его тексты в те времена, конечно, никому из нас не приходило в голову. Теперь я очень жалею об этом, но поздно.

Парень он был очень развитой, много читал, знал и любил Пушкина, просто и хорошо декламировал строфы из «Евгения Онегина». «Евгения Онегина» он особенно любил и знал почти всего наизусть. Кроме того, обнаруживал тонкий музыкальный слух, без всякой фальши высвистывал и играл на губах арии, дуэты и даже всю знаменитую сцену на балу у Лариных из оперы Чайковского.

Что это был за человек? Откуда занесло его на ипподром? Как ветер перед грозой гонит и кружит вместе с дорожной пылью обрывки бумаги, листья деревьев, так на все ипподромы мира, везде и всюду жизнь приносит для работы конюхами, жокеями и наездниками разнообразных людей, иногда необыкновенных, оригинальных, талантливых или бездарных, но всегда страстно влюбленных в свое дело.

До революции на Московском ипподроме можно было среди наездников встретить и ветеринарного врача из Америки, и московского извозчика, и петербургского адвоката, и лихача, и бухгалтера, и студента юридического факультета, и внука знаменитого русского наездника, и барчука, и конюха, и приказчика мануфактурного магазина, и оперного дирижера, и базарного фокусника... Был даже один бывший банщик.

С трепетом и волнением каждый из них первый раз в жизни заносил ногу и садился на призовую качалку. Что ожидало его? Если он обладал обостренным чувством ритма и баланса, если был музыкальным человеком, если по натуре был смелым, волевым, динамичным, если имел хороший слух, зрение и осязание, если мог почувствовать себя снежком, который выпущен из руки мальчика и летит по какой-то заданной траектории, короче говоря, если природа одарила его способностями наездника, перед ним открывалась блестящая дорога.

А если нет? Если он не имел способностей? Тогда ему советовали искать другое дело, и он исчезал с горизонта ипподрома навсегда. Но его не забывали даже в худшем случае. Если вы хотите проверить справедливость этих слов, назовите конюхам и наездникам фамилию человека, который за последние сто лет хотя бы один раз проехал на приз на Московском или Ленинградском ипподромах, удачно или неудачно — это не имеет значения,— и вам о нем с большим оживлением расскажут много интересного.

Арсюшка Макасеев как-то сподобился проехать на приз, но дебют его был неудачным. Он принял со старта хорошо, но вскоре «попал в коробку», его «зажали» и «посадили на барабан». Барабаном на Ленинградском ипподроме называлось небольшое деревянное возвышение, которым в поворотах была отмечена бровка. «Сесть на барабан» на языке ленинградских наездников означало заехать одним колесом с полного хода на это возвышение. При этом во избежание аварии надо было резко взять лошадь на себя и, разумеется, отпасть на далекое последнее место.

Именно это и случилось с Арсюшкой. После никто его на приз больше не сажал, а мы прозвали Арсюшку «экс-наездником». Бедный Арсюшка первое время ужасно страдал. Он никак не мог примириться с проигрышем. Все считали, что виновата лошадь, но Арсюшка доказывал, что лошадь была исключительно резва, а проиграл он по несчастью, только потому, что сел на «барабан». Молодая лошадь, на которой он ехал, вскоре ушла навсегда в завод, но история стала на Арсюшкину сторону и подтвердила его слова. Дело в том, что это была та самая знаменитая впоследствии Пеночка Череповецкого завода, которая много лет спустя принесла в заводе от Гиацинта всесоюзного рекордиста Пилота.

Спустя немного времени после этого по ипподрому прошел слух, что Арсюшка Макасеев написал поэму в стихах о Ленинградском ипподроме, что в ней Арсюшка вспоминает всех нас и даже наших лошадей и лично декламирует отдельные строфы из этой поэмы.

Слух подтвердился. Арсюшкина поэма имела у нас огромный успех. К сожалению, опять никому не пришло в голову записать ее всю целиком, а впоследствии, когда Арсюшка погиб, была потеряна и всякая надежда найти его рукопись, если только она вообще существовала.

Но некоторые строфы этой поэмы сохранились у нас в памяти.

Блажен, кто не горел в азарте
И кто яд бега не вкушал,
Кто не менялся на фальстарте
И кто вперед не вылетал,
Кто не сидел на барабане,
Кто не спускал с вожжей
в тумане,
Кто не кричал от всей души:
«Куда ты, черт? Правей держи!»

Бывали случаи, что петербургский туман скрывал от судей детали бега лошадей. Этим пользовались наездники не особенно высокого класса. Они в тумане «спускали с вожжей», то есть сбившуюся на галоп лошадь не брали «на себя», а давали ей возможность скакать вперед, выигрывая пространство, за что, как известно, рысистая лошадь должна быть дисквалифицирована. Счастливый человек, говорит Арсюшка, тот наездник, который не вынужден прибегать к этому.

Как не кричать стартеру
«браво!»
В порыве гнева и тоски?
Как не высвистывать лукаво
Шафира мелкие грешки?
Как на записке не браниться?
Как на Ароныча не злиться
За то, что грозный сей пророк
Предвосхищает тайный рок,
В секундном трансе пламенея?
Как Алексееву не льстить
И как с Пикоком чай не пить,
В чаду наездницкой потея?
Но где взять рифму к слову
«чай»?
Эй, Максимович, выручай!

Шафир и Пикок — два ездока-любителя. Шафир считался способным ездоком, а Пикок, дело прошлое, был хороший человек, но плохой музыкант. Но он никак с такой оценкой не хотел примириться и пытался реабилитировать себя. Однако теперь, для того чтобы получить лошадь хотя бы для работы, ему приходилось поить старых наездников чаем.

Алексеев был начальником производственного отдела. От него зависело многое. На «записке», как известно, вырабатывается программа бегов, а вопрос о том, в какой компании пойдет та или иная лошадь, имеет для наездника первостепенное значение.

Ароныч и Максимович — две колоритнейшие фигуры Ленинградского ипподрома, оставшиеся в наследство от старого времени.

Ароныч был тихий, удивительно скромный, симпатичный старик, сотрудник спортивных журналов с незапамятных времен. Вся его жизнь была связана с ипподромом. Он блестяще знал лошадей и всех наездников, давал всевозможные сведения в газеты и журналы, а главное, предсказывал фаворитов. Публика ему верила, а Ароныч мог точно предсказать лошадь, о выигрыше которой не подозревал и сам наездник. Умер он в первый год войны, во время ленинградской блокады. Истощенный и утомленный до последней степени, кое-как доплелся до трибун ипподрома, где было пустынно и холодно, лег на какую-то скамейку и больше не встал.

И жизнь Максимовича тоже была полностью связана с ипподромом. С давних времен он издавал альбомы, отлично оформленные, в которых печатались портреты лошадей и наездников. Это и давало ему средства к существованию. Соль этих изданий состояла в том, что портреты лошадей и наездников были снабжены довольно корявыми стихами сочинения Максимовича. Он не особенно деликатно обращался и с рифмой и с размером, но все это искупалось теми бурными изъявлениями восторга, которые он расточал по адресу наездников. За восторг и шумные аплодисменты в стихах Максимович брал мзду с наездников — с кого десятку, а с кого и двадцать рублей, и они платили ему с большим удовольствием. Несмотря на все это, Максимович оставался бедняком, хотя одевался хорошо, даже с претензией на шик. Как сейчас, помню эту необыкновенную фигуру на улицах Петрограда, где-нибудь у Пяти углов или на Звенигородской, вблизи от ипподрома. В эти дни даже зубные врачи и музыканты оркестра оперетты, чтобы по недоразумению не быть принятыми за буржуев, напяливали на голову вместо фетровой шляпы какую-нибудь рваную кепку, а Максимович шел в черном цилиндре, в черной паре, в ослепительно белой манишке с белым галстуком и, шагая, высоко поднимал палку, на ручке которой сверкала серебряная головка лошади. Его никто не трогал...

Но вот над грозною столицей
Спустилась тихо ночи тень.
(Блеснет заутра луч денницы
И заиграет яркий день.)
Уж лавка Вентцеля закрыта,
Уж не стучат по льду копыта,
Погасли страсти и рожки,
Остыли с мясом пирожки...

Куда девался автор поэмы, что с ним сталось? Подробности мне неизвестны, но я знаю, что он проработал конюхом на ипподроме около двадцати лет и погиб в Ленинграде в первые месяцы блокады. Слышал я, будто шел он по Каменному Острову мимо горящего деревянного домишки и услышал крики о помощи, которые неслись оттуда. И будто Арсентий Макасеев, не долго думая, бросился в дом и поднялся по лестнице. Но в эту минуту раздался страшный треск, обрушилась крыша, сверху полетели горящие балки и стропила, а к небу поднялся огненный столб, окруженный красным дымом и золотыми звездами.

Больше никто автора поэмы о Ленинградском ипподроме не видел.

Интервью «Огонька»

Хороших вам стартов, друзья!

К. В. КРУПИН,
председатель совета Союза спортивных обществ и организаций РСФСР

Вы слышали что-нибудь о горьковской скороходке Наташе Гуренко? Нет, не путайте ее с другой Наташей, другой горьковчанкой — Донченко. О ней мы действительно слышали много: ведь Наташа Донченко блестяще выступала на VIII зимних Олимпийских играх и завоевала там серебряную медаль на дистанции 500 метров. Успехи землячки олимпийской призерши пока более скромны: научный сотрудник Наташа Гуренко на соревнованиях второй зимней Спартакиады народов РСФСР выполнила норму мастера спорта.

Успех Наташи Гуренко — это лишь одна капля в океане спортивных событий, связанных со Спартакиадой народов РСФСР. Но подумайте о том, что скрывается за соседством двух Наташ. Одна только что вошла в ряды мастеров, другая уже прославила нашу Родину на крупнейших соревнованиях — Белой олимпиаде в Скво Вэлли. Разница между ними велика, и все же они стоят рядом, как две сестры, так же, как стоят рядом массовость и мастерство советского спорта.

В этом сочетании массовости и мастерства основа всех основ, секрет всех наших успехов — и уже достигнутых, и тех, что ждут нас в будущем. Многие зарубежные знатоки спорта пытались разгадать секрет наших побед, а тут и пытаться не надо, потому что мы никогда не скрывали пути, по которому двигались к этим успехам.

В эти дни зимняя Спартакиада народов РСФСР приближается к столице русской зимы, как называют Свердловск. Там, после финальных соревнований горнолыжников в Кировске и прыгунов в Горьком, 9 марта выйдут на старт сильнейшие лыжники, конькобежцы, фигуристы, хоккеисты. Скоро мы будем подводить итоги крупнейшим массовым соревнованиям зимы 1961 года. Но уже сейчас нам известно, что в предварительных состязаниях спартакиады приняли участие миллионы любителей спорта.

Уже первая зимняя Спартакиада РСФСР, состоявшаяся в 1958 году, привлекла миллионы участников. Их число все растет. Да и как может быть иначе, если за последние два года в Российской Федерации появилось 300 тысяч новых физкультурников. И что же удивительного в том, что из этой массы рядовых спортсменов выдвинулись сотни новых, подающих большие надежды мастеров!

Мы начали нашу беседу с рассказа о горьковской спортсменке Наташе Гуренко. Но она ведь лишь одна из сотен россиян, которые нынешней зимой выполнили норму мастера. А сколько талантливой спортивной молодежи будет выявлено после финалов II зимней Спартакиады! Как в результате многих соревнований окрепнут наши низовые физкультурные коллективы, наши спортивные общества! И как знать, не встретимся ли мы с Наташей Гуренко, или с новосибирской фрезеровщицей Галиной Горлатых, или со слесарем Горьковского автозавода Евгением Шохриным — с теми, кто выдвинулся в зимние дни 1961 года, на снежных и ледяных трассах в Австрии, на IX зимних Олимпийских играх в 1964 году.

Но не будем забегать вперед. Пока нам предстоит провести финал спартакиады миллионов. Эти достижения спортсмены России посвятят XXII съезду КПСС. Хороших вам стартов, друзья!

●

В. Брумель и его тренер В. Дьячков.
Фото Б. Светланова.

СПОР БРУМЕЛЯ И ТОМАСА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

После своей первой победы в Нью-Йорке над сильнейшим прыгуном США Джоном Томасом Валерий Брумель заболел ангиной. Но меры, принятые американскими врачами, и непреклонное желание снова выйти к планке помогли советскому спортсмену. 25 февраля спор двух атлетов был продолжен. Снова трибуны Мэдисон сквер-гарден заполнены до отказа. Соперники благополучно преодолели 2 метра 13,4 сантиметра, но на следующем рубеже — 2 метра 16 сантиметров — Томас потерпел неудачу: он не сумел использовать ни одной из трех предоставленных ему попыток. После этого Брумель один продолжал выступление и сумел взять высоту 2 метра 18,5 сантиметра. Советский спортсмен завоевал золотую медаль чемпиона США!

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ПРЫЖОК

В 1868 году норвежец Нордхейм совершил прыжок на лыжах длиною в 19 метров. В 1951 году этот первый зарегистрированный рекорд был улучшен в семнадцатый раз: финн Луйро достиг удивительного результата — 139 метров. Обо всем этом — о том, как спортсмены с помощью ученых-аэродинамиков добивались все новых и новых успехов, — рассказывалось в № 8 журнала «Огонек». И вот телеграф принес сообщение из Оберстдорфа (ФРГ), где 10 лет назад был достигнут последний результат, о том, что молодой югославский спортсмен И. Злибар пролетел по воздуху 141 метр. Итак, в таблицу высших достижений вписана еще одна, девятнадцатая строка.

●

← Телеграф принес приятную весть: чемпионат мира по хоккею с мячом завершился победой советской команды. Вот они, победители!

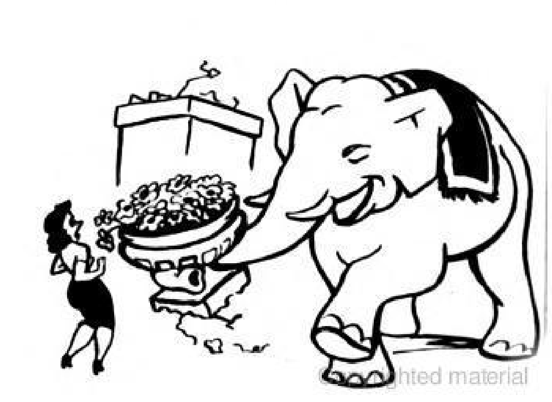
Фото Б. Светланова.

Восьмого марта в цирке.
Рисунок В. Севрюгова.

— Мне этот светлый, в крапинку...
Рисунок В. Воеводина.

Поздравил...
Рисунок В. Горина.

Мама уехала в гости

Лариса ПИСЬМЕННАЯ

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Вчера вечером, в субботу, наша мама уехала в деревню проведать бабушку. Мама долго боялась оставить нас одних, но папа сказал, что она *может быть* вполне спокойна и не тревожиться. Мама ответила, что не уверена, справится ли папа с нами. Папа засмеялся.

— Ты рассуждаешь, как маленькая! На заводе под моим присмотром целый цех!

Мама вздохнула.

— Никогда не нужно хвастаться, особенно перед детьми, — сказала она.

Тогда папа рассердился.

— Я не хвастаюсь, а говорю то, что есть. Когда я был на войне, то сколько раз ходил в атаку! У меня за это ордена и медали! А тут не справлюсь с малышами!.. Тоже мне забота. Смешно!

И вот мама уехала, а мы с папой остались.

Кто это мы, я вам сейчас расскажу.

Во-первых, это Борик. Ему всего год. Во-вторых, это Талочка. Она толстуха и плакса, хоть ей уже и три года. Мама уверяет, что когда-то и я была такой же, но мне кажется, что мама просто забыла: ведь я совсем не толстая!

В-третьих, это Андрюша и Сережа. Им скоро будет по пять лет, и они совсем-совсем одинаковые. Их даже все путают. И потому мама стала одевать Андрюшу в синий костюмчик, а Сережу в коричневый, чтобы различали.

В-четвертых... Нет, это уже будет в-пятых, так как Андрюша и Сережа — это и в-третьих и в-четвертых. А в-пятых, это я, Майка. Мне уже семь лет, и я хожу в первый класс. Мама сказала, что у нее вся надежда на меня, так как без меня папа с нами пропадет.

Ночь прошла хорошо, только папа не разбудил вовремя Борика, и нам пришлось сушить его простынку.

Но потом все пошло хуже. Талочка не захотела вставать и начала реветь. Андрюша и Сережа хоть и не плакали, зато баловались. Они прятались от папы под одеяло, брыкались ногами и визжали. Поэтому папа перепутал их костюмчики: синий надел на Сережу, а коричневый — на Андрюшу. А один чулочек мы вообще не нашли, и папа натянул Талочке на ногу свой шерстяной носок. Пятка от носка пришлась Талочке как раз под колено.

На завтрак папа накормил меня, Талочку, Андрюшу и Сережу жареной колбасой, а Борика — молочной кашей. Мама знала, что мы не сумеем как следует сварить Борику кашу, и потому сама наварила полную кастрюльку и оставила в коридоре, чтобы каша не прокисла.

После завтрака Андрюша с Сережей набрали в рот воды и стали брызгать на плиту, чтобы шипело. Они побрызгали и на Талочку. Талочка заплакала. Папа рассердился и сказал:

— Как жаль, что в воскресенье детский сад не работает!

Он велел мне одеть детей и катать их во дворе на салазках до самого обеда.

Во дворе уже катался тети-Галин Вова, и наш Андрюша сразу же подрался с ним. А Талочка опять принялась плакать, так как папин носок натер ей ногу.

Потом я побежала узнать, можно ли уже идти обедать. Папа был взлохмаченный и с тряпкой в руках. Борик ползал по кухне и жалобно скулил, а на плите что-то булькало в кастрюле и сильно пахло жареным.

— Какой-то мокрун! — пожаловался папа на Борика. — Ты не знаешь, он и при маме был таким мокрым?

Я ответила, что нет.

— Замучил! — сердито произнес папа. — Майка, подай штанишки, они в духовке сушатся.

Я вынула из духовки ползунки Борика, но в них уже выгорела большая дыра.

— Вот напасть! — огорчился папа. — Ну, ничего, в комнате под печкой висят еще две пары. Ты, Маечка, переодень его и накорми кашей, а я тем временем доварю суп.

Когда я переодела и накормила Борика, то побежала за детьми и привела их домой. Мы сели обедать.

За столом Андрюша и Сережа стали шалить, и Сережа опрокинул на себя тарелку с супом. Папа рассердился. Забыв, что на Сереже Андрюшин костюмчик, он сказал, что Андрюша не получит подарка в день рождения. Ан-

О кулебяках и котлетах марешаль

Михаил ГАРКАВИ

Боюсь, что читатель, увидев мою фамилию над этой статьей, удивится: почему это вдруг эстрадный артист, конферансье Михаил Гаркави выступает в защиту русской кухни? Почему именно он, а не какой-либо крупный специалист этого дела, знаток, повар, директор ресторана? Может, это, как говорится, сделано в порядке шутки? Нет, вполне серьезно.

Почему бы нам, рядовым едокам, не вмешаться в «кухню» наших ресторанных кухонь? Во-первых, со стороны виднее, во-вторых, я старый москвич, и мой возраст позволил мне многое видеть, и, в-третьих, — а это самое главное, — я потребитель, то есть тот человек, ради которого, собственно, и существуют кухни.

Уже давно Москва стала местом паломничества иностранных туристов со всего бела света. Приезжают к нам и артисты, которые часто выступают в одних программах с нами, советскими артистами. И вот этим летом один польский артист спросил меня: «Скажите, товарищ Гаркави, — вы старый москвич и, конечно, вы знаете, — скажите, где в Москве можно попробовать настоящую русскую кухню?» По роду профессии мне запрещено лазить в карман за словом, но тут я запнулся и не знал, что сказать.

Я со своим польским коллегой пошел в ресторан «Москва», и, к сожалению, там салат под названием «Столичный» мало, в общем, отличался от так называемого салата «Оливье».

А потом я вспомнил, как несколько лет назад был приглашен в кабинет к заместителю председателя Моссовета, и велико же было мое удивление, когда я узнал, что там будет обсуждаться не вопрос культурного обслуживания москвичей, а работа ресторанов города Москвы. Я понял, что меня считают, очевидно, специалистом и в этой области, и на этом совещании выступил с речью, которую изложу в данной статье, отнюдь не претендуя на научный анализ и зная, что все, что я говорю, в общем дискуссионно. Но сказать об этом надо.

О РЕСТОРАНАХ

Я считаю, что в столице их очень мало. Когда Москва была маленькая, ресторанов хватало, но теперь она стала поистине Большая, и то, что имеется, — капля в море. Даже если к ресторанам прибавить бесчисленное количество столовых, кафе, закусочных, домовых кухонь (очень полезное и умное нововведение), — все равно мало.

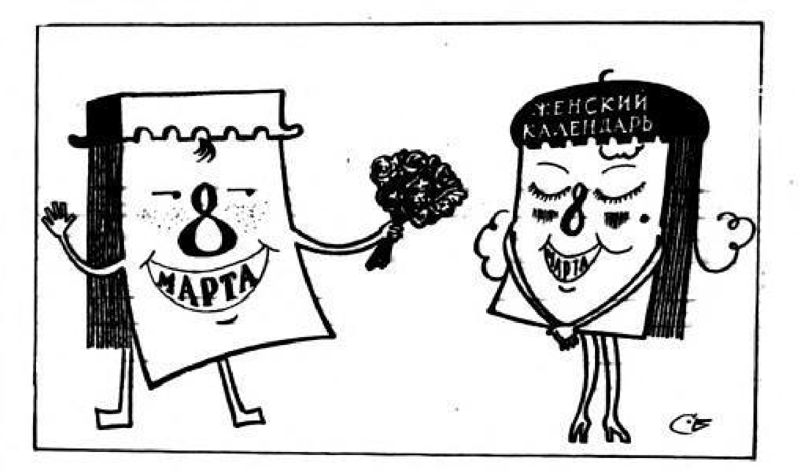
Кстати, современные кафе — это, собственно, не очень-то и кафе, это скорее смесь кафе с рестораном, ибо там есть супы, вторые блюда и т. д. Но это между прочим.

Большая заслуга работников общественного питания в Москве — создание национальных ресторанов «Пекин», «Арагви», «Украина», «София», «Будапешт», «Варшава», «Узбекистан»... В этих ресторанах до некоторой степени можно познакомиться с кухней разных народов. А вот все остальные не имеют своего лица. Это, если вспомнить Грибоедова, смесь «французского с нижегородским», и фактически нет ни одного ресторана, где бы культивировалась русская кухня. Почему ресторан называется «Москва», а там — ничего специфически московского? Почему в ресторане «Москва» подают те же батоны белого хлеба, что и в других ресторанах, а где же ну хотя бы знаменитые московские калачи — горячие, поджаристые, хрустящие?

Есть, правда, один ресторан — это бывшая «Астория», — где не так давно повесили вывеску «Ресторан русской кухни», но это фактически не меняет положения. Там есть русские блюда и даже блины. Но зайдите и посмотрите, каков он на вид: каменный пол, отделка в стиле пышного купеческого ампира с кариатидами в виде полуобнаженных женщин, с официантами, одетыми в смо-

Календарная встреча.

Рисунок В. Соловьева.

— С праздничком!

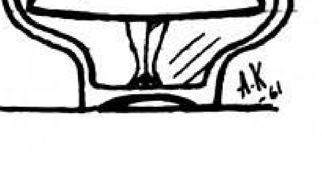
Рисунок Г. и В. Караваевых.

По моде.

Рисунок А. Курицына.

дрюша заплакал: это не он, а Сережа опрокинул тарелку. И Сережа плакал, потому что сидел весь мокрый от супа. А Талочка заплакала еще раньше: она не хотела есть папин суп. Только один Борик молчал: он заполз под стол и заснул.

Папа схватился руками за голову, забегал по комнате. Он кричал, что удивляется, как это наша мама не сходит с ума с нами. Потом он немного успокоился и накормил нас опять жареной колбасой, так как суп был очень соленый.

После обеда папа подпоясался полотенцем, велел не мешать и принялся стирать Андрюшин костюмчик, который Сережа залил супом. Я стала укладывать Талочку, Андрюшу и Сережу. Но они не хотели меня слушаться, Талочка все время бегала вокруг стола. Потом они выскочили на кухню и опрокинули корыто с водой. Папа на этот раз так рассердился, что чуть сам не заплакал. Он затопал ногами и закричал, что никогда в жизни ему не приходилось так страдать, как сегодня, и что он больше ни за что не согласится остаться с нами.

Тут открылась дверь и вошла мама.

Мы все так обрадовались ей, что чуть не затанцевали. Даже Борик проснулся, но не заплакал, а вылез из-под стола, протянул к маме руки и засмеялся. А мама увидела, что у нас творится, засучила рукава, нашла тряпку, вытерла пол, переполоскала костюмчик и ползунки, повесила их сушить, убаюкала Борика, перестелила постель Андрюше и Сереже, а мне велела готовить на завтра уроки.

Вечером мы все сели за стол в чисто убранной комнате, вкусно ужинали и радовались, что нам в третий раз не пришлось есть жареную колбасу. И никто не плакал, не капризничал, и папа был веселый и больше не сердился.

Он ходил по комнате, почесывал затылок и говорил:

— Так вот оно, выходит, какое дело...

Перевел с украинского
Е. ВЕСЕНИН.

Четвероногие артисты

В 1926 году москвичи могли видеть забавную сценку: капельдинер вел в Большой театр беленькую козочку Мулю. Хозяйка козочки балерина Екатерина Васильевна Гельцер рассказывает:

— В балете «Эсмеральда» Муля была моей партнершей. Перед каждым спектаклем я ее «гримировала»: надевала розовый бант, рожки оборачивала золотой бумагой.

Но Муля не единственная четвероногая артистка. В опере «Сорочинская ярмарка», поставленной в Большом театре в 1928 году, волы жевали на сцене сено. В апофеозе оперы «Иван Сусанин» на сцену на конях выезжают Минин и Пожарский.

В балете «Лауренсия» на ослике появляется героиня балета, а в балете «Дон Кихот», идущем долгие годы на сцене Большого театра, участвует ослик Мальчик. Этого ослика привозят из зоопарка, где летом на нем катается московская детвора. После каждого выхода ослик получает за «хорошую игру» кусочек сахара.

Перед началом спектаклей четвероногие артисты находятся в специальном помещении. Здесь их обувают в специальные резиновые галоши с войлочной прокладкой, чтобы животные не скользили, не портили пол.

Лошади приучены к сцене, они не боятся зрителей, яркого освещения.

В одном из спектаклей московского Театра имени Вахтангова участвует маленькая кошечка. Кошечку каждый раз приносит на сцену ее хозяйка — уборщица.

Гр. МЕРЛИНСКИЙ

На снимках: сцены из балета «Дон Кихот».
Фото Е. Умнова.

книги, с обыкновенным — правда, хорошим — маленьким джазом, играющим те же танго и фокстроты, как и везде. Нет, это не решение вопроса!

О ТРАДИЦИЯХ

Хорошие традиции, как бы ни менялось время, всегда останутся хорошими традициями, и их нельзя стесняться.

Я невольно вспоминаю один ушедший теперь в область предания ресторан, который помещался рядом с гостиницей «Большая Московская» и которому позже дали название «Люкс» (?!). Это около площади Свердлова. Вот в этом ресторане не было другой кухни, кроме русской. В меню были пироги и при этом самые разнообразные: подовые, с грибами, с рыбой, с визигой. Кулебяки с мясом, с капустой, Блины — как простые, так и гречневые. Красная рыба с красным соусом, уха из ершей, щи со снетками, щи с головизной, всевозможная дичь и, наконец, каши. Каша гречневая с маслом, с молоком или со сметаной, смоленская каша, пшенная каша с медом, гурьевская каша. Неужели теперь наши рестораны стесняются поставить в меню пшенную кашу с медом? Это же настоящее русское блюдо!

А вода! Почему только минеральная и фруктовая? Почему почти исчез из ассортимента хлебный квас, сухарный квас? Знают ли наши гастрономы, что если настрогать в кувшин свежего хрена и залить хлебным квасом, то получится напиток для усталого человека очень полезный?

Все это было, но все это заменено приевшимся стандартом, причем привычка к стандарту настолько велика, что когда в меню ресторана в Доме актера ввели некоторые русские блюда, вроде зубрика и колбасы по-извозчичьи, то какая-то комиссия составила акт, обвинив директора этого ресторана в фантазерстве! Очевидно, обвинили за то, что его фантазия вышла за пределы шницеля по-венски. А мне кажется, что надо дать волю фантазии директоров ресторанов и шефов-поваров, так как новаторство и здесь могло бы только принести пользу, как и во всем другом!

Надо хорошую традицию возродить. Надо создать в Москве, и не только в Москве, а и в других русских городах рестораны с русской кухней.

О ФИРМЕННЫХ БЛЮДАХ

Во многих ресторанах есть фирменные блюда, и тут нелишне заметить, что если в далеком пограничном городе Благовещенске фирменным блюдом являются пельмени «Иртыш» (кстати, очень вкусные), в Калуге — калужский пирог (тоже хорошее блюдо, напоминающее куда-то исчезнувшее калужское тесто), то, например, фирменное блюдо московского ресторана «Прага» — котлеты «Прага» — это всего лишь один из вариантов французских котлет «марешаль». А вот ввести в фирменное блюдо что-либо из русской кухни — фантазии и не хватило. Интересно, что этому мешает? Здесь стоит разобраться тем, кому поручено дело. Может быть, неверно обучают в учебных заведениях? Передают ли свой опыт молодежи старые специалисты? Вот у нас в искусстве — в Доме актера и в Центральном доме работников искусств — старые мастера сцены передают свой опыт молодежи, и это дает плоды. А как в общественном питании?

Хочется спросить еще у наших кулинаров: почему исчезли пирожки, те пирожки, которые когда-то назывались московскими? Неужели забыли «секрет» этого производства? Почему в кафе есть слоеные пирожки и нельзя получить свежие, горячие московские пирожки с самым разнообразным фаршем?

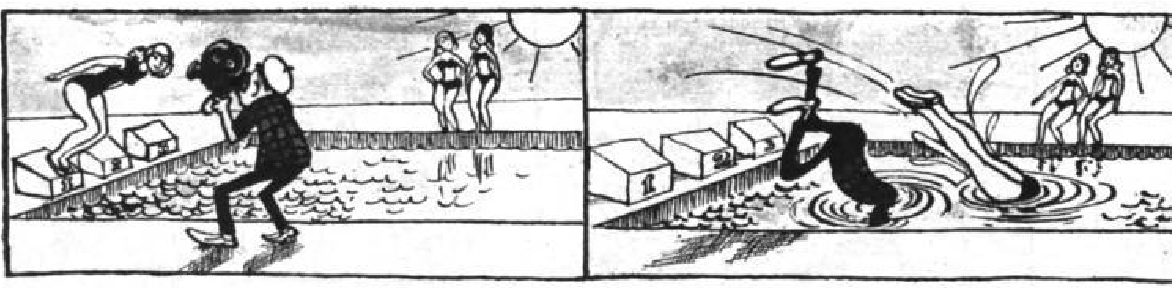
Еще один вопрос. Времена года, как известно, меняются, а в меню ресторанов зимой и летом все одним цветом. В овощных магазинах и на колхозных рынках может быть полно зелени, ягод, фруктов, а в ресторанах все как было: бифштекс и компот из консервов. Порой на всех углах продают цветную капусту, кабачки, а в меню — раз навсегда отпечатанный рис.

Все это пора изменить, и это святая обязанность работников общественного питания.

Дорогой читатель! Я вас, вероятно, утомил. Я столько описал разной еды, что вам, наверно, захотелось чего-нибудь поесть. Поэтому, прочтя все вышеизложенное, если вы в Москве,— зайдите в московский ресторан, если вы в другом городе,— зайдите там, если едете в поезде, — зайдите в вагон-ресторан, и вы убедитесь, что, к сожалению, все написанное — правда.

Но хочется верить, что русская кухня возродится и ее можно будет попробовать и в Москве и в других наших русских городах.

Поверьте опыту: вкусная пища — залог здоровья!

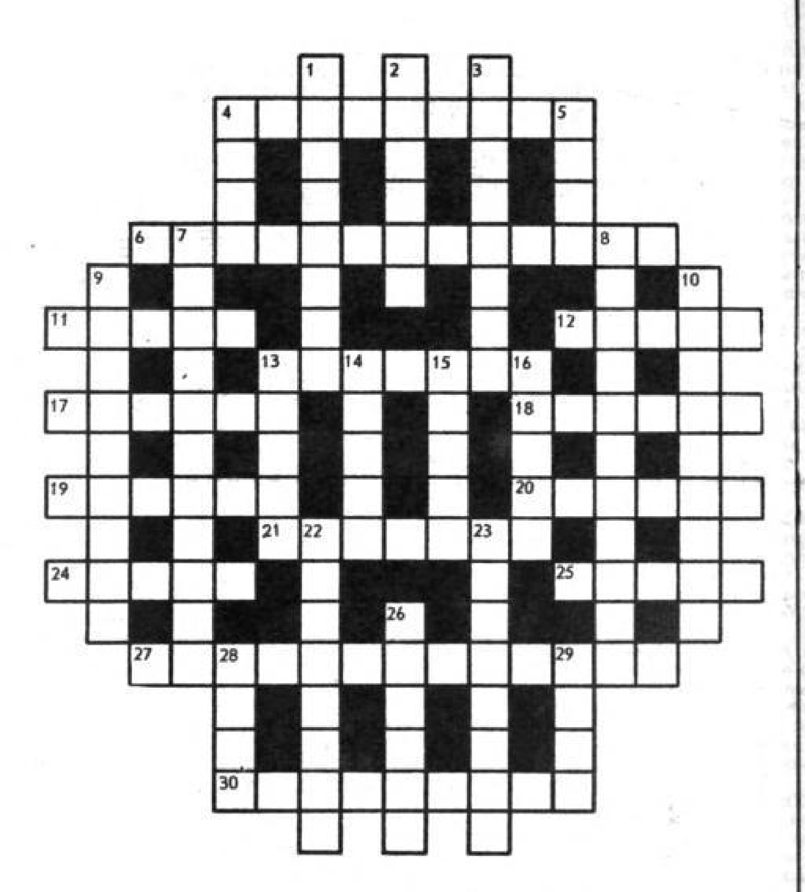

Приготовились! . . . .

Рисунок Е. Горохова.

Не вынес одиночества. →
Рисунок А. Волкова.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Шутливое присловье. 6. Спортивное упражнение на лошади. 11. Поверхностный слой горных пород. 12. Азербайджанский артист. 13. Демократическая Республика в Азии. 17. Работница животноводческой фермы. 18. Созвучие. 19. Ученое звание. 20. Скопление пара в атмосфере. 21. Водопровод, сооруженный в виде моста. 24. Печь для выплавки чугуна. 25. Прибор для арифметических вычислений. 27. Дневная бабочка. 30. Столярный инструмент.

По вертикали:

1. Автор литературных произведений. 2. Древняя система землепользования. 3. Промысловая рыба. 4. Левый приток Днепра. 5. Один из древнейших городов Причерноморья. 7. Роман Виктора Гюго. 8. Полевой цветок. 9. Русский ученый, открывший атмосферу Венеры. 10. Керамическое изделие. 13. Дежурство на корабле. 14. Автор сказки «Конек-Горбунок». 15. Документ, распоряжение на выполнение работы. 16. Охотничья дудка. 22. Мех. 23. Музыкальная пьеса. 26. Персонаж пьесы «Снегурочка» А. Н. Островского. 28. Вид старинного народного зрелища. 29. Единица мощности.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 9

По горизонтали:

3. Заплечики. 6. Хибины. 7. Робсон. 11. Датчане. 12. Стрелец. 14. Ложки. 16. «Беларусь». 19. Скважина. 22. Жасмин. 23. Кочубей. 24. Втулка. 25. Топорков. 29. Тасмания. 32. Динар. 33. «Детство». 34. Аметист. 35. Барсук. 36. «Неделя». 37. Факсимиле.

По вертикали:

1. Шпиндель. 2. «Синопсис». 4. Пинчер. 5. Морена. 8. Ваал. 9. Нижнеудинск. 10. Дени. 13. Область. 15. Саркисян. 17. Авизо. 18. Сукно. 20. Кайра. 21. Жатка. 26. Плед. 27. Ростан. 28. «Вдовушка». 29. Трапеция. 30. Мотыль. 31. Наст.

На первой странице обложки: Материнство.
Фотоэтюд И. Тункеля.

На последней странице обложки: Сильнейшие фигуристки страны Ирина Люлякова, Галина Холопова и Татьяна Немцова.
Фото А. Бочинина.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются. Оформление И. Долгополова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото—Д 3-35-48; Оформления—Д 3-38-44; Писем—Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02056. Подписано к печати 1/III 1961 г.
Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 900 000. Изд. № 223. Заказ 508.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Мода нынешнего года проста, удобна — одежда лаконична по форме, не перегружена деталями. Большое внимание уделяется цветовым сочетаниям в костюме. Носят спокойные тона: все оттенки коричневого (от светлого до темного), серые, серо-синие, серо-зеленые и, как всегда, черный и белый цвета. Из ярких тонов сейчас пользуются наибольшим успехом бирюзовые и теплые красные.

К новым простым линиям костюма очень подходят крупные украшения из металла, дерева, керамики, стекла, янтаря. Недавно в Общесоюзном Доме моделей прошло совещание специалистов всех наших домов моделей. Здесь была отобрана коллекция костюмов на 1961 год.

Некоторые из них мы предлагаем для весны.

1. Этот удобный ансамбль состоит из двухстороннего прямого пальто, свободного жакета без рукавов, узкой юбки и свитера. В боковых швах жакета отверстия для пояса (Вильнюс).

2. Строгий и элегантный костюм спортивного типа из светло-серой шерстяной рогожки. Жакет можно носить и без пояса (Рига).

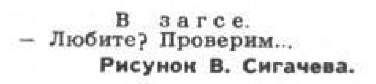
3. В этот ансамбль входит яркое пальто, черный тонкий свитер и черная шерстяная юбка. Клетка на юбке вышита яркими (в цвет пальто) шерстяными нитками «тамбурным» швом — на машине либо вручную (Москва).

4. Платье-костюм новой формы из шерстяной ткани. Узкая юбка и прямая блуза. Украшение — диск из полированного дерева или керамики на цепочке (Минск).

Н. ГОЛИКОВА,
старший художник Общесоюзного Дома моделей

Рисунки автора.

В загсе.
— Любите? Проверим...
Рисунок В. Сигачева.

102 из 100 возможных.
Рисунок Чапли.

Жена заклинателя змей.

Рисунок В. Зарубина.

— Дорогой, ты опять забыл, что 8 Марта я делаю все сама.

Рисунок Г. и В. Караваевых.

Цена номера 30 коп.